

18+

Сергей Пылёв

**А за окном —
человечество...**

современные повести

Сергей Пылёв

А за окном – человечество...

«Автор»

2020

Пылёв С. П.

А за окном – человечество... / С. П. Пылёв — «Автор», 2020

Мы живём или не живём? Мы есть в этом мире или кто-то за нас присутствует в нём? Добро и зло поменялись местами. Вернее, их вообще нет. И они уже не нужны никому. Былые основополагающие принципы мироздания летят в тартарары. Человеческая жизнь на планете похожа на Чёрную дыру Вселенной. Прошлые идеалы безвозвратно исчезают в ней. Об этом напряжённо, порой на изломе думает писатель Сергей Пылёв, пытается вместе с читателем определиться в крайностях сегодняшнего болезненного, надрывного бытия. Будущее наступает, не оставляя в нём места тому человеку, каким он сейчас является. Это катастрофа или обретение высшего смысла? Повести автора заряжены здоровой иронией и зрелой мудростью. Язык светел и прост.

© Пылёв С. П., 2020

© Автор, 2020

«Как жаль, что мы теперь рождаемся взрослыми,
и больше нет на Земле тех замечательных, наивных
существ, которые зачарованно верили в Деда Мороза, нежно спали в обнимку с игруш-
ками, ужасно боялись зеленых мух и Бабайки.

Их, кажется, называли детьми?..»

Из мыслекниги «Былое и думы человеческого
подсознания». III тысячелетие V Галактической Эры.

Авторство ячейки ЮРXLG13.

Одиночество среди зимы

Если с чем и можно сравнить особое, ещё толком никем не понятое состояние вдовства, в том числе и самими вдовцами, так разве что с человеком, у которого в подзимье сторел дом со всеми потрохами: тут бы срочно ладить новый, а ни материала, ни сил и особенно желания нет даже в помине.

Говорю все это уверенно, как вдовец со стажем, пусть и минимальным. Неведомо в силу какого закона мироздания, но по прошествии рубежного года после смерти жены я вдруг тревожно почувствовал в себе какой-то странный, навязчивый интерес к другим женщинам. Он глухо, даже как-то сердито нарастал во мне. Я начал внешне беспричинно часами блуждать по родным воронежским улицам, будто одинокий пес в поисках пропавшего хозяина. И все оглядываться по сторонам, оглядываться...

Однажды это неприкаянное беспарное бродяжничество занесло меня на какой-то партийный митинг. Была классическая январская фаза зимы. Мороз словно жужжал и искрил от напряжения, как мощный трансформатор, питанный сильным током; снега броско, щедро рикошетили длинный серебряный свет. Честно говоря, я понятия не имел, зачем здесь оказался. Однозначно, что не в поисках национальной идеи. Кажется, я со стороны вообще был больше похож на некоего городского сумасшедшего образца начальной трети XXI века. Так что чьи флаги сонно покачивались над куцей, искусственно сделанной толпой, уточнять не стану. Не суть важно. Но это вовсе не были адепты и неофиты, снедаемые возвышенной жаждой самозабвенной борьбы за народное счастье. Также ни слова о символике вязаной шапочки, которую я напялил на голову, приняв её в подарок из энергичных рук молодой, гладенькой партийной функционерши Кати с красивым, решительным лицом.

– А это вам от наших боссов за участие в массовке! – с милой вдохновенностью улыбнулось мне яркое олицетворение очередного счастливого будущего моей многострадальной Родины, протянув ни мало, ни много пятисотрублёвую купюру. – Расписываться не обязательно.

– Приму партийное подаяние при одном условии: мы с вами эти деньжищи немедленно «просадим» в ближайшем кафе.

– Когда вы там были последний раз? Этой «пятёрки» сегодня даже на одну порцию мороженого не хватит! – поморщилась Катя. – Давайте заберём мою Юльку из садика и сами организуем нечто вроде скромного семейного ужина. У меня дома. Вас дети не очень раздражают?

– Что вы! – поспешил заверить я со всей мудрой зрелостью худо-бедно освоенного мной полувекового возраста. – У меня внучка растёт! Лизонька! Пятый годик ей. Радость моя немалая!

Детоненавистники

Катя жила в блочной девятиэтажке эпохи развитого социализма. Гостям в таких домах главное вовремя задержать дыхание, чтобы проскочить в нужную квартиру до того, как с непривычки начнётся помутнение сознания – результат агрессивного влияния на организм

здешней атмосферы. Она до задыха насыщена ароматами активного брожения в мусоропро- воде и органических отходов любителей оправляться в подъезде.

Мне это удалось. Свидание с Катей меня как-никак вдохновляло. Я чувствовал себя почти ее ровесником.

У Кати в квартире было мило и чистенько, не считая пятен на обоях и потолке от убиен- ных комаров. Я наполнил фальшивым красным вином выставленные нам чашки. Под него Катя подала какие-то размочаленные пельмени синюшного оттенка, которые стойко пахли горелой свиной щетиной.

Мы привыкли по нынешней кризисно-санкционной жизни не обращать внимания на такие мелочи быта и ели более-менее с аппетитом. Да ещё периодически воспитанно улыба- лись друг другу. И старались поначалу не замечать, как пузатенькая дочь Кати Юлька забот- ливо кормит игрушки сметаной из моей тарелки методом макания. Это несколько мешало мне вовремя закусывать и отвлекало от вдохновенного партийного разговора с Юлей о событиях в Сирии и Украине. А моя робкая попытка бодрим шлепком по вёрткой Юлькиной попке огра- ничить аппетит её мишек, монстров и русалок, закончилась дерзким басистым рёвом ребёнка сквозь густую паутину сопелек. Умоляюще улыбнувшись мне, Катя разрешила Юленьке побить «плохого дядю». Видимо, это был с её стороны проверенный педагогический приём. По край- ней мере, он реально помог дитю успокоиться, после того как в меня с изумительной меткостью полетели кубики Рубика, трансформеры, фломастеры и даже обувь, не всегда детская и чистая. После такой артподготовки Юленька весело приступила к отвинчиванию моих пальцев.

Катя явно не только не находила во всем этом ничего странного, но происходящее даже умиляло её, вызывая нежный материнский восторг. Казалось, ещё минута и она сама бросится колотить меня вместе с дочуркой. Я чувствовал себя ни мало, ни много Франсуа Перреном из любимого кинофильма моей молодости «Игрушка».

И был мне голос свыше: пробормотав какие-то путанные лживые извинения, вроде того, что меня срочно ждут на заседании ректората, я неуклюже бежал. При этом мне, наконец, довелось сполна надышаться ароматами Катиного подъезда.

После всех этих испытаний было впору примкнуть к набирающему в интернете силу меж- дународному движению *childfree-childhate*, члены которого яростно тешат себя тем, будто они идеологически ненавидят детей и все, что с ними связано.

Вот некоторые образцы их партийных программ:

– Я детей ненавижу: после одного часа пребывания с ними они начинают меня дико бесить. Они все время говорят-говорят-говорят-говорят сами с собой, с игрушками!!! Как при- дурки! Причём лепечут полный идиотизм!!!

– Меня дети просто истерят своей тупостью, бессмысленным смехом, гуканьем, грима- сами, высовыванием языков, беготней, шилопопостью, беспомощностью, наглостью, невоспи- танностью, бестактными словами и выходками, криком, соплями, энурезом и безудержным поносом. У меня к ним омерзение на генном уровне, как, например, к мелким шавкам типа йорков, чихуа и китайских хохлатых – ну никакого желания взять в руки, потискать, посюсю- кать: скорее, наоборот! Вообще моя мечта: деревня для тех, кто с детьми. Остальной мир будет чище и свободнее...

Не став новообращённым *childfree-childhate*, я, тем не менее, отныне, знакомясь с жен- щинами на предмет прерывания своего вдовства, теперь внимательно интересуюсь, есть ли у них несовершеннолетние отпрыски. Многие дамы, как видно в силу жизненного опыта, сами первыми спешат известить, что они не обременены ни малолетними детьми, ни тем более вну- ками. Даже раньше, чем заверят вас в своей материальной и жилищной независимости.

Яростный стройотряд

Точной статистики, вернее, вовсе никакой нет насчёт того, при каких обстоятельствах имеется вероятность через двадцать лет случайно встретить на улице бывшего сокурсника или сокурсницу. Мир был тесен только до изобретения автомобиля.

Мы с Зоей встретились на середине одной из центральных нагорных воронежских улиц. Изначально с XVII века она звалась Публичной за здешнюю людность, а к 300-летию царствующей династии стала Романовской; в 1917-м как красный флаг над ней поднялось новое название – улица Свободы. А после загадочного убийства Сергея Мироновича Кострикова (партийный псевдоним – Киров), она поныне носит его имя в трепетном ожидании новых знаковых событий в российском мире.

В то утро я привычно спешил по Кирова в областную Думу читать для депутатов лекцию о том, как Воронеж при Петре был одно время столицей России; в тот же час и ту же минуту кандидат психологических наук Зоя Витальевна Разумная шла из Думы по противоположной стороне улицы от уполномоченного по правам человека с заседания комиссии по помилованию. У нее даже дипломная работа, если память мне не изменяет, была по теме этой нынешней общественной нагрузки – «Лев Толстой и Владимир Короленко о смертной казни».

Не знаю, сколь успешно работала сегодня их комиссия в тонкой области амнистирования, но одного человека сегодня Зоя Витальевна однозначно помиловала. Им был я. А помиловала она меня неожиданно-негаданно от надвигающейся самым роковым образом казни одиночеством – одного из самых изощрённых и дерзких форм уничтожения мыслящей материи.

Последний раз мы виделись с ней в Чехословакии на пражском Карловом мосту – тому минула бездна времени по любым системам времяисчисления. И хотя сей мост благополучно стоит поныне седьмой век, Чехословакия давно приказала всем нам долго жить.

Я узнал Зою по голосу. Он менее всего изменился у неё со студенческой поры. Мягко густой, словно полнозвучно бегущий по перекатам, мерцающий...merzay... Mezzo-soprano...

– Да погодите вы!.. – мило покрикивала она с противоположной стороны улицы на автомобиле, в тщетной надежде притормозить их возле «зебры», напоминавшей лестницу, перекинутую через улицу.

– Зоя?! – с таким восторгом крикнул я, что движение на Кирова немедленно прекратилось: как автомобильное, так и пешеходное. Возможно, я на какое-то мгновение неведомым образом нарушил все законы гравитации и, шаркнув подошвами, воспарил над плиточным тротуаром.

Мы сбегались с Зоей на середине улицы.

– Серёжа! – яркие золотистые веснушки огнисто брызнули с ее лица во все стороны – она искристо пыхнула улыбкой-фейерверком. Памятной мне ещё со студенческой скамьи. Сегодня я бы сказал, что эта улыбка Зои – ее физиогномический бренд. Хоть патент на него оформляй.

Узнав меня, кандидат психологических наук госпожа Зоя Витальевна Разумная вся словно затрепетала: такой эффект создал эротически настроенный ветер, резвясь под её лёгким, бурно запузырившемся платьем. Будь оно красным, Зоя, да простятся мне такие сравнения, могла показаться Жанной д'Арк на вспыхнувшем костре.

Мы никогда не были отчётливо влюблены: ни пока учились в эпоху торжества развитого социализма в знаменитом воронежском ВГУ имени Ленинского комсомола, ни когда играли в легендарном театре миниатюр Льва Кройчика или оказались вместе там, где все влюбляются друг в друга: на так называемой «целине» в колхозе-миллионере «Заветы Ильича». Наверное, потому что мы были заняты слишком прозаичным для нас с ней делом – я с шести утра до десяти вечера ударно строил свинарники, Зоя с удивительной для городской интеллигентной девочки из классической профессорской семьи великолепно готовила для бойцов «щи да кашу» в чистом поле на кособокой печи, точно на пепелище.

Сейчас от свинарников остался только раскрошенный фундамент, а от колхоза-миллионера – заброшенные пахотные земли, словно натура для кинофильма об обезлюдевшей пла-

нете. Но я тогда за «трудовой семестр» так-таки приуспел успешно заработать себе на знаменитую чехословацкую красную «Яву» (1100 советских «рыжих» рублей), а жене Марине на блестящую чёрную каракулеву шубку (1000 рублей) – этой номенклатурной невидалью я сказочно отоварился в подвальном распределителе Кремлёвского Дворца съездов на Всесоюзном слёте стройотрядовских ударников. Партия разрешила это комсомолу со снисходительной старческой улыбкой... В гроб сходя...

Первые несколько минут мы говорили с Зоей непрерывно. О чем, даже не помню. Наверняка о сокурсниках, ещё раз о них же и, само собой, о падении мировых цен на сырую нефть и первом на Земле памятнике Маршаку возле воронежской «пролётки» – таким именем мои остроумные земляки ещё в годы СССР окрестили кинотеатр «Пролетарий», торжественно названный так советской властью в честь передового отряда человечества – революционного класса-гегемона. Однако на латыни, чьи слова лежат в основе почти всех наших более-менее умных выражений, *proletarius* есть всего-навсего лица «неимущие». А изначально в годы первой мировой войны этот наш центральный синематограф назывался более человечно, но тоже как-то неказисто – «Увечный воин».

Слово за слово я подвёл Зою к более сущностному вопросу: «Ну, а ты-то сама как?» Ответить на него порой сложнее, чем объяснить природу Большого взрыва или эпидемической вспышки однополых браков в благополучной Европе. «Как ты?» многих ставит в тупик, вводит в ступор, лишает дара речи, пресекает дыхание и так далее. Однажды наша профессор кафедры русского языка Елена Михайловна Урицкая на новогоднем фуршете раскрепощено поведала, что на сакральное «Как ты?» существует около 100 вариантов светского ответа: дела идут, контора пишет; лучше, чем вчера; дела идут, жизнь кипит; все в порядке; как обычно, все отлично, живём и радуемся; лучше всех; все просто замечательно; настолько отлично, что хочется танцевать (петь); великолепно, восхитительно, потрясающе, как в красивом кино; как в книге о настоящей любви; как в сказке; офигенно; летаю на крыльях счастья; я на седьмом небе; как в раю; весна в душе; порхаю, как бабочка; счастлив (а), как никогда прежде. И так далее, и тому подобное.

Ни одним из этих вариантов Зоя не воспользовалась. Как-никак она была автором бестселлера «Как гармонично жить в мировом хаосе» и преподавала в академии МВД психологический спецкурс по борьбе с массовыми беспорядками. В отличие от меня, защитившего когда-то в СССР кандидатскую диссертацию по истории на тему «Роль стенной печати в разгроме немецко-фашистских оккупантов».

– Как я?... – Зоя робко улыбнулась, но глаза её при этом контрастно построжили. – Мужа похоронила... Год назад.

Связующая нить...

– У меня жена умерла. Тоже год назад...

– Марина? Из техноложки?

– Другой не было.

– Мои соболезнования...

– Взаимно.

Водители суетливо притормаживали возле нас: кто безопасности ради, кто рывкнуть какую-нибудь гадость. Наш светский раут на проезжей части явно не всех автомобилистов устраивал.

– Пора бы нам разбежаться... – вздохнула Зоя.

– Пока не побили... – усмехнулся я.

– Будет настроение, звоните, Сергей Владимирович...

– На деревню бабушке?

Поспешно обменявшись визитками, мы машинально обнялись. При этом у меня было ощущение, будто я ждал этого соприкосновения все время нашего разговора. Может быть,

даже все время с тех давних советских студенческих лет, когда увидел Зою впервые. Девушка была она очень даже. Виртуально магическая. По тогдашней классификации – «тургеневская», то есть рождённая любить не по земному. В общем, утончённая барышня с классическими пропорциями Афродиты Праксителя и словно овечьная чувственными ароматами июльского лугового разнотравья. Ей бы позировать знаменитому Ричарду Джонсону, а она стала поварихой в стройотряде «Верный ленинец»...

...После фейерверка взрывных политречей и звонких агиток-речёвок я на правах командира вручал бойцам-ударникам паспорта-разрешения на работу. Своего рода пропуск в светлое будущее развитого социализма. Особенно долго тряс Зоины нежные руки, удостоенные созидать на полевой кухне наваристые щи и полуметровые макароны по-флотски, похожие на гигантские пиявки, побледневшие от страха перед нашим стройотрядовским трудовым аппетитом.

А вокруг тяжёлый бархат красных знамён, над головами пылает песня Градского «Яростный стройотряд», – и Зоя прекрасно идёт прочь сквозь наш фонтанирующий комсомольский энтузиазм на уровне политической оргии. Идёт в то реальное будущее, где мы через многие десятилетия встретимся вновь, но уже словно на другой планете.

До сих пор взволнованно помню её пронзительно синее радостное платье и гордый звук каблучков. Банально? Дай Бог вам иметь в вашей жизни хоть одно подобное воспоминание.

Минута истины

Я вернулся на свою сторону, едва не поставив на дыбы все автомобили. В кривых зеркалах подсознания я сейчас видел себя едва ли не Кинг-Конгом в тот момент, когда эта доисторическая животина прорывается в город и пытается найти среди тупых небоскрёбов свою Энн. Естественно, круша все на пути. Его дерзко атакуют вёртки американские ястребки Curtiss F8C-5 Htlldiver. В сопливо-печальном финале над мёртвой тушей расстрелянного Конга звучит слащавая голливудская фраза: «Его убили не самолёты. Чудовище убила Красота». Явно имелась ввиду замечательная внешность актрисы Наоми Уоттс. Вообще она в этом плане очень даже ничего. Ко всему ещё и посол Доброй воли, вегетарианка, дважды на Оскара номинировалась. В общем, моя фантазия разыгралась круче, чем у Питера Джексона, когда он снимал легендарный ремейк своего «Кинг-Конга». Просто-таки по-пацански разыгралась.

Зоя поэтически шла по другой стороне в одном со мной направлении. Моё боковое зрение ни на миг не теряло её из виду.

Так продолжаться бесконечно не могло.

Я остановился. Зоя сделала то же самое. Мы помахали друг другу и, не сговариваясь, снова пошли навстречу. Как заворожённые. Естественно, не обращая никакого внимания на отсутствие лежачего частоккола «зебры». Мы ещё раз создали такой автоводovorот, от которого даже камеры дорожного слежения растерянно отвернулись.

– ... !!! ...!!! ...!!! – звучала в наш адрес с Зоей без всякой распежки слаженная матерная партия возмущённых автолюбителей. Самый настоящий хор блатных и шайки нищих на преступно дорогих машинах. Из грозового облака их вселенского рёва карающими молниями Зевса стремительно падали блистательные нецензурные молнии возмущённого водителя продуктовой «Газели» с креативной надписью на фургоне «Если хочешь быть атлетом, хлеба ешь зимой и летом!» Я невольно отметил, что, судя по всему, весной и осенью их фирма предлагает покупателям разгрузочное полугодье.

– Ты что-то забыл мне сказать, радость моя?.. – щедро улыбнулась Зоя, и снова будто зазвенели, разлетаясь, её весёлые веснушки.

«Минута истины не выбирает место для наступления своего часа».

Кажется, я машинально родил нечто вроде афоризма, но выговорить его так и не смог.

– У тебя психосоматический ступор? – вкрадчиво заметила Зоя.

– Если бы... – издал я носом некое подобие самобичующей насмешки. – Все гораздо проблемней. Меня только что озарило: оказывается, я был в тебя всю жизнь тайно влюблён.

– А сейчас увидел меня такую, далеко не юную, и поморщился...

– Зоя-Зоенька, почему мы не встретились раньше? Я в своём одиночестве столько глупостей наделал.

– Я бы стала очередной...

– В любом случае, мне кажется, что настал наш час. Может быть, даже звёздный.

– Ты уверен?

– А почему нет? Кстати, именно сегодня ночью созвездие Цефея пошлёт землянам настоящий фейерверк. Падающих звёзд хватит все наши желания не только загадать, но и реализовать не откладывая.

– И что ты предлагаешь?

Я простодушно улыбнулся:

– Поездки ко мне на дачу. Там весьма комфортно беседовать с небом. И друг с другом.

Когда над головой рукав Млечного Пути, точно дым галактического костра.

– Ты часом не звёздный пришелец?.. – усмехнулась Зоя.

– Просто устал жить без любви.

«Помолчим о любви...»

Когда мой истинный француз Renault Megane Extreme с элегантным достоинством взял курс на дачный кооператив с праздничным названием «Салют», я взволнованно восчувствовал близость завершения моего тягостного гештальта вдовца.

Нынешнее состояние моей «фазенды» вполне соответствовало переживаниям их овдовевшего хозяина: матерые сорняки типа канадской лебеды и канатника Теофраста, заросли жизнелюбивого терновника и змеистые кусты одичавших роз, ошипованных в панк-стиле. Из высоких зарослей рудбекии, похожей своими ярко-жёлтыми цветками на маленькие подсолнухи, меня поприветствовал сердитым хрюканьем микрососисый старожила-ёж Борька – существо, как и я до дня сегодняшнего, одинокое, с затупившимися седыми иголками.

Готовясь к ужину, я первым делом старательно вытряхнул мертвенно-пыльные чехлы с дачной мебели. Для создания ретро-романтической обстановки кинул на стол белоснежную кружевную скатерть, связанную ещё моей мамой Татьяной Яковлевной в годы далёкой гагаринской эпохи – с тех пор она в нашем доме стала символом большого и радостного праздника. И поленца для традиционного дачного шашлыка я взял не абы какие, а самые знатные, najważнецкие, – грушевые, кои лежали у меня в душистой вязанке дров особо, отдельным рядком.

Нет лучшего места и лучшей минуты для отрадного разговора, чем возле таинственно, словно из ничего, мистически оживающего в потёмках огня...

– У меня такое ощущение, что мы с тобой никогда не расставались и всю жизнь были рядом... – вздохнула Зоя.

Я осторожно усмехнулся:

– Когда я узнал, что ты вышла замуж, то получил ощутимый укол ревности.

– Со мной было то же самое относительно твоей Марины...

– Неужели мы предчувствовали, что доживать свой век будем вместе?

– Во-первых, разве это уже решено? А, во-вторых, как плохо звучит – доживать... Почти как дожёвывать. Я может быть и соглашусь быть вместе, но только при одном условии – жить и не тужить!

– А ты не забыла нашу встречу в Праге? Кажется, было самое начало горбачёвской перестройки. В СССР свирепствовал сухой закон. А там, в Чехословакии, на каждом шагу такое отменное пиво!..

– Карлов мост! Да, все в памяти... – Зоя бережно взяла мою ладонь и приложила к своей щеке. – Столкнуться двум бывшим сокурсникам нос к носу не в родном Воронеже, а за тысячи

километров от него! Твоя жена тогда, кажется, застряла в магазине, а мой муж вовремя увлёкся в трактире дегустацией «Старосмиховского»! Слушай, судьбе просто нравится устраивать для нас неожиданные встречи! И я от души благодарна ей...

В час близкий к полночи я торжественно взял Зою Витальевну под руку, и мы сошли по крыльцу моей хибары под звезды. Словно заступили в театральные залы, где на сцене сейчас будут давать представление сами небеса.

– Этот домик на тихой воде.

Мы к нему глубиной причалим,

Весь в зелёные ветви одет,

Так радушен – до слёз, до печали... – деликатно вздохнула Зоя.

Августовский мрак отяжелел стылой сыростью близкого Дона, черным запахом прогоревших углей костра и бледно-розовым ароматом вызревших к Спасу яблок. Густота ночи такова, что каждый шаг даётся с напряжением.

– Постоим у вечерней воды...

Это – август! Созрели плоды...

Мы полжизни его дожидались.

Постоим, помолчим о любви,

О которой и в снах не сознались.

– Зоенька, не влюблюсь: ты что-то своё читаешь? – сказал я, положив ей руки на плечи.

– Психологов нельзя пускать в поэзию. Они сразу превратят ее в тест. А эти стихи я где-то прочитала. Правда, замечательные?

– Более того.

– Кстати, автора я случайно запомнила. На мой взгляд, это самый тонко чувствующий поэт нашего времени. Только жаль, что она, как и я, – тоже Зоя. Только Колесникова. Плохое у нас с ней имя... Как вспомню судьбу Космодемьянской...

– Тогда подключи к своей мрачной антропонимике святую Зою Атталейскую. Катулл сжёг её вместе с семьёй. А святая Зоя Римская? Замучена язычниками. Но была ещё преподобная Зоя Вифлеемская. Вот она умерла своей смертью. В монастыре.

– Уже нечто... – смущённо обняла меня Зоя.

Матерые звезды пламенно жили над нашими головами своей великой вселенской жизнью. Неспроста они считались у даосов божествами, а конкретно Полярная звезда для древних китайцев так вообще выполняла роль господина Неба и Земли. То бишь, всего Сущего. В любом случае городского человека надо регулярно оставлять наедине со Вселенной. Прочищает мозги, поверьте.

Я поцеловал Зою. И тоже смущённо, но по нарастающей. Поэтому про её Вифлеемскую тёзку мы вспомнили не скоро.

– Ты что-то про блудницу собирался поведать «блуднице»... – переведя дыхание, напомнила Зоя.

– В общем, представь... – наморщил я нос. – Древняя Палестина. В пустыне двадцать пять лет в подвигах и безмолвии одиноко живёт святой Мартиниан-целитель. Однажды к нему является беспутная женщина. Она поспорила со своими друзьями, что влёт совратит отшельника.

– Класс! Я, кажется, догадываюсь, что произошло дальше.

– А дальше она, сославшись на ненастную погоду, попросила ночлега. Мартиниан ее впустил. Зоя скинула потрёпанный хитон и предстала перед святым в дорогих соблазнительных одеждах.

– А что если и вовсе без них? – почти весело посочувствовала Мартиниану Зоя Витальевна.

Я развёл руками:

– Какая разница! Все равно Мартиниан вышел из кельи, разжёл костер и мужественно встал босыми ногами в пылающие угли.

– Господи! – вздрогнула Зоя и, кажется, перестала дышать.

– То-то и оно! Блуднице тоже стало не по себе. Упала на колени, принялась слёзно вымаливать прощение. Дальнейшее тебе известно.

– Трогательно, весьма... – тихо вздохнула Зоя. – Кстати, кто-то из наших словесных классиков, кажется, украл для своих нужд этот сюжет из сказаний?

Я не успел назвать графа-сластолюбца, безуспешно и не очень серьёзно боровшегося со своей похотью, как вдруг с северо-запада из-за горизонта в полной тишине стремительно вырвался яркий комок оранжевого огня. Чиркнул пламенисто по небосводу и беззвучно канул за зубцы далёкого задонного леса. Он как будто чрезвычайно спешил, озабоченный особой миссией, к которой мы с Зоей вкупе со всем человечеством не имели ни малейшего отношения. И не должны иметь.

– Самолёт!!! – по-девчоночьи вскрикнула она.

– Нет, Зоенька, это совсем другое... – сдержанно сказал я тоном человека, особо приближенного к знанию сугубых тайн мироздания. – Ни звука, ни фонарей... И летел он быстрее быстрого. Таких скоростей мы ещё не знаем.

– Мы – это человечество?

– Вроде того.

– А как тебе, милый, версия со спутником?

Я поцеловал Зою. Но не за версию, а за одно нечаянно вырвавшееся у неё слово. Правда, было так темно, что губы мои ткнулись ей в затылок.

– Спутники летают по другим траекториям. Включая международную космическую станцию.

– Значит, это твои цефеиды!

– И близко не из той оперы. Те сыплются бледным веером.

Я ещё раз бдительно, по-хозяйски, оглядел беременно отяжелевшее звёздами небо. Так старательный фермер оценивает свои поля, вызревшие славной пшеничкой или рожью.

– По-моему, ты только что видела самое настоящее НЛЮ.

– С инопланетянами?

– Возможно.

– Господи, а что им здесь надо?

– В другой раз обязательно у них спросим.

– Как жаль, что с нами нет Славика... – шепнула Зоя и, прижавшись спиной к моей груди, замерла. – Вот бы ему было интересно!

– А что это за незнакомая мне личность?

– Мой внук. Мой золотой мальчик...

– Школьник?

– Последний год в детском садике... – с едва сдерживаемым умилением проговорила Зоя.

Кажется, она почувствовала моё некоторое напряжение в связи с этой информацией. Хотя я сам этого в себе тогда не заметил. Вернее, почти не заметил... Стоим себе и стоим. Полуобнявшись. Ночь загустела. Туман в долине Дона тайно вызревает.

– Не волнуйся... – шепнула Зоя. – Мой внук нам помехой не станет. Живёт с мамой-папой. Зять у меня человек обеспеченный. Более чем. Все там нормально.

Проницательность женщин не знает предела.

– Познакомишь?

– Со Славиком?! – радостно напряглась Зоя.

– И с ним, и с его родителями.

– Само собой. Как-нибудь. А ты любишь детей?..

– По крайней мере, я не «чайлдфри». У меня сын, внучка Лизонька четырех лет. С половиной...

– Как здорово! И как эта очаровашка тебя называет?

– Господи, что может быть в этом интересного?

– И все же...

– «Деся»... – несколько стушевался я.

– Класс!

– С точки зрения Фрейда или Юнга?

– Моей тебе достаточно?

– Вполне.

Бессмертие для человечества

Мы недолго решали, где начнём нашу новую жизнь: на неделе Зоя переехала ко мне в Берёзовую рощу – мы ещё тешили себя тем, что это элитная зелёная зона Воронежа. Несмотря на то, что её уже стеснили многочисленными новостройками, а через поля крест-накрест раскинули скоростные дороги, на которых с первого дня начали регулярно биться автомобили. Чаще всего самые дорогие, у водителей которых было более чем достаточно бабок купить права и бесппроблемно менять своё авто после первой же царапины.

– Где фотография твоей Марины? – это были первые слова Зои Витальевны в моей квартире, когда она с некоторым внутренним напрягом преодолела мой коридор, охраняемый тотемной семейной шкурой огромного бурого камчатского медведя.

– Убрал. Вчера.

– И стыдно не было?

Бегунок её чемодана «вжикнул» как пуля у виска: Зоя Витальевна нежно достала портрет своего покойного мужа и бдительно оглядела на предмет возможных повреждений при переезде. Таковые не обнаружились.

– Серёжа! Поставь их рядом.

В таких вопросах лучше с психологами не спорить.

За крылато распахнутым столом нас ждал праздничный ужин, исполненный стараниями вдовца: густое крошево утонувшего в фальшивом майонезе салата «Оливье» и куриные грудки, запечённые с последними остатками попавшего под наши ответные санкции литовского сыра Дваро.

Почему ни слова о спиртном в такую особую минуту? Из советской стройотрядовской жизни я и Зоя Витальевна навсегда усвоили заповедь работать и веселиться по-трезвому.

Когда мы торжественно сели за стол, вдруг раздалась, нарастая, знаменитые элегические аккорды шопеновского этюда «Нежность». В старательном исполнении Зоиноного японского смартфона. Для меня он в эту торжественную минуту прозвучал почти как свадебный марш Феликса Мендельсона. Кстати, брачующимся россиянам его подарил октябрьский госпереворот. С того времени народ-строитель социализма стал выходить замуж и жениться с помощью государственной регистрации. А в царской России признавалось лишь церковное венчание. Исходя из всего этого, вполне можно рассматривать марш Мендельсона ещё как богоборческое произведение. По крайней мере, после его создания в 1842 году автор вскоре умер...

– Слушаю тебя, мой золотой мальчик! – вдохновенно проговорила Зоя в микрофон вкрадчивым, поцелуйным голосом. Словно ведущая телепередачи «Спокойной ночи, малыши». Таких интонаций я за ней ещё не знал. – Радость моя ненаглядная скучает по мне?! – в её голосе продолжала нарастать яркая нежность, родственная женственному изяществу шопеновской «Нежности». Она же – «Сад Эдема».

– Где мой портрет, который ты так замечательно нарисовал? Тот, где я похожа на кубик Рубика?.. Он со мной. Нет, деточка, я не потеряла его. Я буду хранить его очень долго...!

Ох... Славик хочет, чтобы я никогда-никогда не умирала? И этот чудесный мальчик сегодня же спит из пластилина для меня таблетки вечной жизни? Ты – мой гений! Твои любимые шоколадные трубочки уже ждут тебя в холодильнике! Только не сердись на своих родителей, что они не дают тебе смотреть мультфильмы после двенадцати ночи! Потом дашь телефон маме, я популярно объясню ей, какой выдающийся сын у неё растёт и как тебе правильно подстригать ногти!

Зоя чмокнула свой перламутровый мобильник:

– Славущка! Я желаю тебе очень доброй ночи? И чтобы никаких ужасных снов про тёмного человека из кладовки! Скажи маме, пусть чаще там прибирает!

Её лицо раскраснелось вдохновенно свежо, лучисто. «Какая она красивая!» – с радостью признался я сам себе. Мой процесс влюбления в Зою усиленно продолжался. И кажется, конца-краю ему не будет. Словно я начал движение по бесконечной ленте любви имени уважаемых господ Мебиуса и Листинга.

– Это мой Славик позвонил... – окрылённо объявила Зоя Витальевна.

– Догадался... – хмыкнул я.

– Не сердись! Понимаю... – вздохнула она, молитвенно зажав мобильник в руках. – Лопочу несусветищу! Но несёт меня, несёт!.. И как иначе? Ты знаешь, что сейчас озвучил мой внук? Он будет до утра вместе с мультфильмовскими Фиксиками придумывать для меня таблетки бессмертия!!! Но когда сделает их, то обязательно поделится со всем человечеством!

– Какие таблетки? С каким человечеством?.. – затупил я скорее всего под расслабляющим влиянием давно забытого во вдовстве чувства застольной доброй сытости.

– Сейчас спрошу у Славика! – объявила она: – Да, деточка, поняла! Да, я так и скажу дяде. Какому? Потом объясню... Прости... – Зоя победоносно повернулась ко мне: – Таблетки вечности для того человечества, которое за окном! Вот так...

Я несколько заморочено кивнул. Как хотите, но за моим, честно-пречестно, никакое человечество не просматривалось. Вообще за окном ни души. В Воронеже второй час ночи. Лишь курносая половинка унылой городской Луны, словно детское личико в профиль.

Что мне оставалось: позавидовать всевидящему Славичу?

«Почитай отца твоего и мать твою»

Днями Зоя (само собой, с почтительной оглядкой на Фрейда и Юнга) набросала список тревожных вопросов, какие с точки зрения современной науки о душе чаще всего возникают к решившим пожениться пожилым (и не очень) одиночкам у их детей от прошлых браков: «Вам не поздно снова начинать половую жизнь? Что, ещё не все силёнки потратили на нас? Лучше дружите с Альцгеймером и игрой в лото! Как же ты (она) можете допустить, чтобы кто-нибудь вероломно занял место наших папы (или мамы)?»

И, наконец, самая болезненная тема: «Ради чужой женщины (мужчины) ты готов (готова) уменьшить нашу долю наследства и поломать нам счастливые планы на будущее после твоей смерти?! Неужели старческие плотские утехи важнее нашего молодого счастья?»

При ответе на эти вопросы либеральная психология постперестроечного общества считает необходимым для родителей в обязательном порядке стоять перед детьми навтыяжку и согласно кивать всем их возражениям. Разрешается и даже приветствуется подобострастно, фальшиво-бодренько улыбаться. Если же вы кондовые эгоисты и не готовы положить голову на плаху во имя счастья детей, вам остаётся ради бессовестного достижения узколичностного счастья, вдруг с дуру ума забрезжившего в конце тоннеля, правдами и неправдами убедить детей, что ваш поздний брак не является пропуском в вечную жизнь. Более того, истинно любящие супруги имеют необъяснимое наукой свойство умирать практически одновременно. Тем самым радостно избавляя детей от юридических хлопот с дележом наследства.

Чтобы эта сакраментальная мысль не звучала голословно, Зоя предложила подтвердить ее свежим примером из Интернета. Ромео и Джульетта отдыхают.

«Трогательная история настоящей любви и верности произошла вчера в селе Истомино Аксайского района. Социальные работники, наблюдавшие за пожилой парой истоминских простых селян Павла и Анны Хмыз, во время очередного рейда нашли их бездыханные тела. Умершие старики лежали рядом на кровати и держались за руки. После экспертизы выяснилось, что сердца влюблённых перестали биться с разницей в пару часов. Первой умерла Анна Хмыз, ее супруг скончался к вечеру. По словам священнослужителя Аксайского Успенского храма, смерть в один день – огромная благодать для супругов. Такой участи достойны только те пары, которые прожили свою жизнь в любви и верности».

Как вам такая информация в век однополых браков и не менее странной любви между чиновниками и олигархами на фоне празднично цветущей коррупции?

У меня, честно говоря, от подобного самоубийственного проявления пожилыми селянами взаимной привязанности, в груди что-то болезненно поднапряглось. Зоя так даже всплакнула и как-то явно вне образа продвинутого учёного-психолога. Чисто по-женски. То есть с охами-вздохами, пусть и сдержанными.

Вскоре мы встретились с нашими детьми – мой Саша и её Тоня. Я устроил всем нам прогулку по водохранилищу на теплоходе «Москва». Битый час мы с Зоей уныло глядели, как наши тридцатилетние отпрыски мгновенно превратились в самых настоящих детей. Я пожалел, что Лиза и Славик не видят сейчас этих великовозрастных балбесов типа родителей, которые детсадовски скачут по палубе, визжат и, вырывая друг у друга пакетик с чипсами, в прыжке кормят ими наглых чаек. Тонины пальчики с черно-белыми накладками при этом блистали как клавиши концертного рояля.

Явно лишние на этом празднике жизни, мы с Зоей спустились в буфет. Я первоклассником плавал с родителями по Волго-Донскому каналу на таком же двухпалубном «речном трамвайчике». Вот как выглядел корабельный буфет гагаринской эпохи:

«Летняя утренняя Волга с ярким, парадно-белым кораблём на свежей и какой-то молодой после ночи воде. Мы на второй застеклённой палубе, где празднично пахнет буфетом. Это запах выходного дня: запах театра, цирка или фойе кинотеатра – тех мест, где мы обычно бываем по воскресеньям. Корабельный буфет пахнет шампанским, пирожными и ветчиной. Вообще он с его ребристыми пирамидами шоколадных плиток и сладкими оазисами маслянисто-восковых тортов явно напоминает языческий алтарь гурмана с соответствующим языческим иконостасом».

Я не тайный адепт призрака коммунизма, но что мне думать, глядя как сегодня на полках корабельного буфета рыночной эпохи уныло стоят латунные гильзы, начинённые искусственным пивным напитком, и лежат пахнущие соляжкой старые пирожки будто бы с картошкой и капустой, но на самом деле без ничего. И по цене, выросшей на расстоянии ста метров от берега уже втрое. А если мы ещё отплывём?

В конце прогулки уже на сходнях Саша догнал нас и помог Зое сойти на причал. Собственно, мы без проблем могли справиться и сами. Так, играла лёгкая волна. Она смачно чмокала ржавый борт «речного трамвайчика», словно расцеловывала, радуясь благополучному возвращению старой посуды.

– Папа, Зоя Витальевна, спасибо за морское путешествие! – радушно, каждой чёткой лица, улыбнулся мой Саша, как только один он умел. – А что касается вашего предстоящего бракосочетания... Нас с Тоней это ни с какой стороны не напрягает. Были бы вы хоть немного счастливы. Знаешь, что я Лизоньке всегда говорю, когда она перед сном начинает канючить, что хочет почитать под одеялом? Почитай отца и мать!

– Знакомые слова... – усмехнулся я. – Кажется, так любила говорить твоя покойная бабушка Шура?

Зоя прижалась ко мне:

– Это пятая заповедь... Ветхий Завет. Почитай отца твоего и мать твою. Чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе...

Письмо с войны

– А не пора ли мне познакомиться с твоим внуком?! – на днях решительно объявил я Зое. Щедро так произнёс, с широкого разворота души. Мол, знай наших. Мне сейчас даже Юленька показалась бы замечательной девочкой. Почти уверен. А то, что плюнула в мою тарелку и налепила мне в туфли липкую жвачку, – так с кем не бывает, господа?

– А ты уверен, что тебе этого хочется?..

– Думаю, так будет правильно. Учитывая наше приближающееся бракосочетание.

– Но если Славик тебе не понравится? Как та твоя Юленька?

– Во-первых, не моя. Во-вторых, на этот раз мне отступать некуда. Я люблю тебя.

Зоя взволнованно улыбнулась.

Польщённый, я вызвался вынести мусор. На обратной дороге заскочил в магазин и купил её внуку игрушечный автомат. Вернее, пластиковый бластер типа тех, что палят налево и направо в «Звёздных войнах». Он угрожающе стрелял пучками лазерного красного света и садистски орал на весь магазин: «Фаер!!! Фаер!!!» Перевод этого слова, надеюсь, никому не требуется. Огонь войны большой или малой появляется над Россией с достаточной регулярностью.

Я чуть ли не с гордостью нёс автомат к кассе. Расплачиваясь, озорно направил его на кассиршу. Вот где простор для психоанализа, чью бы методику вы не исповедовали.

Дома я заговорщицки поинтересовался:

– Зоенька, ты когда собираешься навестить своих ребят?

– Я у них почти каждый день бываю. А что?

– Хочу твоему внуку подарок передать. Типа почку подготовить для моей с ним встречи.

С этими словами я как заправский Терминатор продемонстрировал оглушающие и ослепляющие возможности китайской «стрелялки».

– Игрушек у Славы три короба, но оружие мы ему принципиально не покупаем, – строго сказал Зоя.

Мы с ней впервые оказались на разных полюсах. Она обняла меня: мы оба с любовью глядели друг на друга, но оба не собирались менять своё мнение.

– Милая Зоя, – вздохнул я. – Можно мне написать реферат, зачем пацанам просто полагается играть с оружием?

Она чмокнула меня в щеку:

– Я знаю и помню, что ты воевал в Афгане. И все же, все же... Славик очень впечатлительный.

– Вместо пацифиста у вас может вырасти пофигист.

– Любимый Серёжечка! Мы оба хорошо владеем искусством убеждения. Меня даже несколько раз приглашала полиция отговаривать самоубийц от последнего шага. За мной шесть спасённых жизней. Правда, ненадолго.

И я выслушал поучительную историю о том, как три дня назад отец Славика купил ему точную копию обреза знаменитого рычажного многозарядного Винчестера образца 1887 года. Того самого ружья, коим победно колошматили врагов всех мастей в киношных передрягах Арнольд Шварценеггер, Николас Кейдж, Брендан Фрейзер, Дженсен Эклс и десятки других импортных знаменитостей из продвинутых вестернов и фантастических боевиков.

Паша тогда только что совершил успешную сделку. Состояться ей блистательно помогла, как всегда, талантливая подделка сертификатов на залежавшийся товар.

Преподнося Славiku образец гениального боевого механизма от Джона Браунинга, отец был вдохновенно пьян. Однако на этот раз протрезвление наступило даже раньше, чем он принял контрастный душ и стакан воды из святого источника с пятью каплями нашатырного

спирта. Сильнее всех этих радикальных средств оказалось внезапное, переворачивающее душу удивление Паши. Ничто до сих пор не производило на него такое восторженно-умилительное впечатление, как вдруг случившаяся немая сценка: его пятилетний «спиногрыз» (жаргон из босяцкого детства Паши) усердно сопя, запихал в дуло вороного ствола букетик пацифистски белых хризантем. «Мать!!! – вскричал всего лишь несколько часов назад оглушительно разбогатевший предприниматель провинциального розлива. – У нас что, какой-нибудь хреновой вазы нет в доме? Так я куплю!!! Хотите вазу из скифского золота?» – «Не хотим, папочка, – сказал на это Славик, строго покосившись на уже готовую заплакать маму. – Мне нравится, что я зарядил ружье цветами. Оно теперь не такое страшное. И никто из него уже не выстрелит».

– Братцы-кролики, я – шалею!!! – воздев руки, Паша рухнул мощной спиной качка на вчера установленный в зале элитный белоснежно-кремовый диван LONDON, украшенный утончённо-фальшивыми стразами, – очевидный признак безудержно счастливой роскоши. Издав всеми своими механизмами и сочленениями, изготовленными в коммерческом воронежском подполье, гамму страдающих звуков, тот стойко выдержал удар, подтвердив ненадолго свое якобы итальянское происхождение согласно поддельного сертификата, приложенного при покупке к чеку в две тысячи триста реальных долларов по курсу на 31 августа 2015 года – 66 рублей 48 копеек».

Убеждать Зоя действительно умела. Или просто я с радостью соглашался на все, что исходило от неё?

Как бы там ни было, через волонтеров бластер эпохи звёздных войн в итоге оказался в детском приюте на Туполева у восьмилетнего беженца из Украины Миши Мамонтенко, луганчанина. Если хочешь найти Бога, посмотри сироте в глаза... На днях я через тех же волонтеров получил от него короткое письмо. «Спасибо вам, дядя, за подарок! Только я скоро совсем вырасту, вернусь на Украину и мне дадут настоящее оружие, чтобы я мог отомстить за папу, маму и сестрёнку Олесю. Мы все цирковые были. В Киев на фестиваль ездили. Я уже мог на любой шпагат сесть и ухо пяткой почесать. Только теперь их никого нет в живых. Пошли они без меня к универмагу позвонить по мобильнику дедушке Василию в Харьков. Универмаг на холме, так что там связь лучше. Вообще они часто дедушке звонят. Все просят разрешить приехать к нему жить. Здесь нам всем больше мочи нет. Каждый день взрывы, взрывы... Папа говорит: «Живём, как на передовой...» Но дедушка только злится и отказывает. Вы, мол, с москалями спелись, с агрессорами. Знать вас, вражин «колорадских», не желаю. В общем, там, на холме, в тот вечер много народу собралось звонить. А каратели прознали про это и в обход блокпостов ворвались в город на БМП. Да как начали всех из огнёмётов палить и ругаться! Но что выкрикивают – не понять. Они в основном литовцы и поляки. Когда вырасту, я каждого из них найду и тоже огнёмётом спалю за папу, маму и Олесю. Я так этого хочу, что у меня вчера даже седые волосы на чубчике появились. Наша воспитательница Светлана Сергеевна как это увидела, так на диван упала и к ней «скорую» вызывали. Ох, да некогда мне. Извините. Надо бежать на полдник! Есть хочу! До сих пор никак наесться не могу...»

Я это письмо приберёг. Для Славика? Скорее, для себя. Чтобы я благодушно не расслаблялся в исторических глубинах и помнил, в каком веке живу и что за представители человечества подозрительно суетятся у меня за окном.

Поцелуй Бога

Как бы там ни было, моя встреча со Славиком вскоре состоялась. В последние выходные дни сентября мы никак не могли пропустить поездку на дачу по причине особой. В ночь на понедельник двадцать восьмого около четырёх утра человечество ждало затмение суперлуны – тот пугавший наших далёких предков миг, когда еёсеро-серебристый пятнистый лик вдруг тревожно заволакивает багровая муть. Ко всему Луна обещала к этому времени подлететь к Земле на самое близкое расстояние и блистать чуть ли не вдвое ярче. Последний раз мы с Зоей видели нашу столь масштабную небесную соседку на студенческой «целине» с крыши

построенного нами свинарника в колхозе-миллионере «Заветы Ильича». Следующее суперлуние повторится лет эдак через восемнадцать. Само собой, независимо от цен на нефть, курса валют и того, кто станет очередным президентом Сирии или США.

– Давай возьмём с собой Славика?.. – аккуратно сказала Зоя.

– Какие проблемы?! – с радостью продемонстрировал я свою продвинутую толерантность в отношении существ детского возраста.

– Спасибо...

– За что?

– Просто «спасибо»... – вздохнула Зоя и как-то так по-особому внимательно поглядела на меня. Будто даже с некоторым сочувствием.

Меня ждало что-то неизведанное?..

По крайней мере, Зоя несколько смущённо предложила мне снять шкуру медведя, но я толком не врубился в потаённый смысл этих слов и вообще скоро о них забыл.

Славик оказался нормальным пятилетним дитём: разве что так худ, что почти тощ, костью наделён явно тонкой, а на голове среди светло-серых волосиков две пепельно-кремовые пряди – такое вот генетическое «мелирование» в отличие от ранней «мужской» седины луганского «фронтовика» Миши Мамонтенко.

– Это поцелуй Бога... – перехватив мой взгляд, благоговейно проговорила Зоя. – Он таким родился. Врач говорил, будто все до года должно пройти. Да вот же... Только мы не горюем. Лермонтов в «Герое нашего времени» писал, что это признак породы. Другие видят в такой метке знак особенного и счастливого человека.

Славик напряжённо вздохнул и вдруг юркнул за бабушку.

– Здорово, пацан! – радушно воскликнул я эдаким славным дядькой Черномором, удалым великаном.

Славик молниеносно присел на корточки и вертляво спрятал голову между своих коленок.

– Стесняется... – нежно усмехнулась Зоя.

Ее внук строго засопел, почти как мой дачный ёжик.

– Слава, поедешь с нами суперлуние смотреть?

Упёртое молчание. Славик затаился, словно исчезнув как мультфильмовская Маша, напялившая шапку-невидимку.

– Я тебе в телескоп дам на звезды посмотреть!

Это уже был серьёзный посул. Чуть ли не на уровне шоколадного «киндер-сюрприза».

Однако в ответ ни с того, ни с сего раздался тонкий, тщедушный плач. Он явно принадлежал Славiku. Побежал плач ручейком, переблёскивая слезинками. По сравнению с водопадом ора моей Лизоньки это было ничто, и все же, все же...

– Чего это он?.. – смутился я.

Зоя подхватила внука на руки. Он уже успел каким-то образом обречься с головы до ног. Даже на ботиночках мерцали «глазные капли»:

– Его пугают незнакомые слова! Он не знает, что такое телескоп...

– Знаю! – вдруг прорычал Славик. – Я просто писать хочу...

Он сделал настороженный шаг в сторону туалета, словно в той стороне его могла ждать встреча со всеми ужасами мира.

Да, они уже там!!! Вон когти чьи-то жутко блеснули! Какая зубастая пасть! Огнём пылает!!!

Славик с визгом прижался к Зое, как влип в неё. Будто хотел спрятаться внутри бабушки.

– Там!!! В темноте!!! Шевелится!!!

– Что шевелится?! – невольно насторожился я.

– О-о-о-н!!! – зажмурился Славик и отчаянно оцепенел.

С помощью поцелуев в одной ей известные особые места на лице и головушке внука Зоя лучше всякого Кашпировского сняла у него судорожное перенапряжение.

– Птенчик мой милый...

Вы не поверите, но я, включив свет в коридоре и туалете, принялся совершенно серьёзно оглядывать здесь каждый угол в поисках Страшно Жуткой Опасности. Как тот капитан-особист из КГБ, который в бытность мою в брежневскую эпоху машинистом сцены гарнизонного Дома офицеров, бдительно курировал эту культурно-массовую организацию, пропахшую кирзовыми сапогами. Перед партийными конференциями и съездами он осматривал в актовом зале все ряды кресел, трибуну, будку суфлера и оркестровую яму. Капитан сам, не доверяя мне, акробатически забирался на пыльные колосники над сценой. Ни взрывчатка, ни снайперы ни разу им обнаружены не были. Только однажды измученному «особисту» на десятиметровой высоте попался похмельявшийся электрик Иван Максимович, пятидесятилетний старик в моих глазах. Тот сидел эдаким Цезарем, завернувшись по-древнеримски в багряный бархат занавеса. Перед ним на передовице газеты «Правда» – водка «Московская» с козырьком из фольги за 2 рубля 87 копеек, шестикопеечная городская булка с поджаристым гребешком и сочный, перламутровый окорок «Воронежский» – знаменитый поныне, но, как и все теперешние продукты, потерявший напрочь аромат и в значительной степени вкус. Особист, по словам Максимыча, дерябнул с ним «сотку», по-мужицки аппетитно закусил, ломко, мощно работая челюстями над сизо-жемчужной сладкой свиной косточкой, и на прощание благодушно повелел «особливо тут не шуметь».

Так вот дознание и следственный эксперимент, проведённый мной по горячим следам, убедительно показали, что Славика испугала распятая у меня в коридоре та самая медвежья шкура – бурая, с рыжеватым отливом. Под оскаленной мордой висела на ленточке, как спортивная медаль, убойная свинцовая пуля «жакан» – это она разорвала некогда сердце Потапыча. Изящные костяные дуги его когтей словно ещё были полны азартной жажды мстительной схватки.

Я запоздало вспомнил, что возле неё даже многих взрослых мужчин охватывала почти-тальная робость: у них тотчас тайно включались забытые детские страхи. А у женщин начинались какие-то глухие эротические фантазии на тему лесной встречи Маши и медведя.

В зависимости от моего отношения к гостям, я кому-то представлялся удачливым стрелком с брендом Тартарена из Тараскона, кому-то говорил правду – куплена Мариной с рук у цыган. Но и тем, и другим я зачем-то обязательно рассказывал отцовскую охотничью байку из бытности его командиром авиаполка на Камчатке. Над ней никто кроме меня не смеялся. Всех охватывало состояние знобкого страха.

...Как-то раз поехали доблестные камчатские пилоты на «Шишиге» (всепролазный военный ГАЗ-66) в тайгу зимой брать медведя. И мой родитель с ними азартно наладился. Добрались до берлоги, начали нетерпеливо будить мишку шестью. А когда тот с рёвом объявился на белый свет, кто-то один лишь успел пальнуть, да и то мимо, а остальные вояки – бегом назад, к машине. Само собой, и мой родитель. Доскакал до «газона», прыжком перемахнул в кузов... А там уже лежал, стиснувшись, кто-то из самых резвых на ногу охотников: как позже выяснилось начальник штаба, Герой Советского Союза, заваливший тридцать семь «мессеров». И заорал этот небесный ас дурниной под батыными медвежьими восемью пудами: «Я не стрелял!!! Я не стрелял!!!»

Я рассказал эту историю Славику. Чтобы через смех помирить его с Косолапым. Ещё я надеялся на благожелательную профессиональную реакцию Зои на такой мой свежий подход к воспитательно-патриотической теме. Само собой, фразеологию для истории про мишку я использовал с учетом Славиных пяти лет, а интонацию выбрал доброй мудрой сказки, учащей любви к животным. Поглядела бы на меня в это время блистательная Брижит Бардо. Хотя

лучше не надо: на мне сейчас красовался классический французский ремень из натуральной кожи.

Не оценив моих педагогических стараний, Славик озарённо воскликнул, возможно, даже затмив знаменитый вопль «Эврика!», с которым когда-то выскочил из ванны Архимед:

– Ка-ка-а-а-ть!!!

Закрыв ладонью глаза внука, Зоя быстрым шагом провела его в туалет мимо моей тотемной шкуры.

В охранительном присутствии бабушки Славик, упоённо напевая мультяшный гимн Фиксиков, с удовольствием исполнил все свои насущные желания.

«Я люблю вас, звезды!»

Мы приехали на дачу на закате. Я так специально подгадал. Мне радостно встречать или провожать Солнце. Горизонт напоминал склон голубоватой горы, а над ней короной стояло невиданное тройное светило. Словно из его переливчато блистающего диска неведомым образом родились еще два таких же сияющих, огнистых отпрыска. Подобный акт солнцетворения называется паргелием – это один из видов гало, благодаря которому создаётся иллюзия того, что на небосклоне пылают несколько светил.

– Солнце радуется, когда видит меня! – гордо объявил Славик. – Мы с ним хорошо дружим.

Произнеся торжественный панегирик, Славка тревожно замер: он «усёк» в кустах высокой оранжевой рудбекии моего седого ёжика Борьку.

Визгливо хихикнув, Славик метнулся к нему. Когда их разделял один шаг, мой старина, презрительно хрюкнув, сноровисто исчез в густой цветочной поросли.

На даче на каждом шагу вас ждут замечательные поводы к приятным многоступенчатым размышлениям. Вот где есть пространство вольно растечься мыслью по дереву. Скажем, та же Рудбекия *fulgida var sullivantii*. С виду банальный цветок, хотя немцы неспроста мило называют её «солнечной шляпкой». При всем при том родом она из Северной Америки, где кто-то из первых поселенцев (явно с испанскими корнями) в порыве нежности дал ей имя «Черноглазая Сюзанна». Рудбекией постановил быть этому цветку сам великий и несчастный Карл Линней в честь своего учителя и друга – шведского ботаника Олафа Рудбека. Карл отписал ему по этому историческому поводу с истинной величием гения, временно посетившего людей для наведения среди них маломальского порядка: «Для увековечивания славы имени твоего я назвал ее *Rudbeckia*, по власти всем ботаникам, следовательно, и мне предоставленной. Она должна соделать имя твоё бессмертным и гласить о нем пред царями и князьями, пред ботаниками и врачами, пред всеми людьми, так что если мир весь умолкнет, то Рудбековы растения будут гласить о нем, доколе не пройдет природа». И вот уже ассоциативные пути-дороги ведут ищущий истины неутомимый разум к судьбе и делам этого профессора Упсальского университета, известного ещё как первооткрывателя в 1653 году лимфатической системы человека и ко всему прочему пра-пра-прадеда Альфреда Нобеля.

Славик обиделся на неуловимого ежа и, показав ему язык, переключился на соседского жутко интеллигентного красного ирландского сеттера по кличке Рич. Этих дружелюбных, аристократически плоских собак с прекрасными манерами сейчас в основном заводят не для охоты, а для игр с детьми. Рич благородно ринулся к Славику, и это было его самой большой ошибкой. Внук Зои поначалу попытался накормить его виноградом, упорно заталкивая кислые ягоды незрелой Изабеллы между тесно сжатых слюнявых клыков. Потом он решил его оседлать, далее – натравить на ёжика. А когда загонял псину до изнеможения, начал заставлять его раз за разом кидаться за палкой в донские пенные волны.

Спасла дачную флору и фауну от Славика вдруг рухнувшая нам на головы плотная, звездоносная тьма.

В конце сентября в наших краях Млечный путь как-никогда великолепен. Когда у тебя над головой провисает его глубокое, словно дымящееся звёздным туманом вселенское русло, на него хочется молиться.

Даже Славика это мощное явление притормозило.

– Ух, как звезды раскинулись... – строго вздохнул он, тряхнув своей «меченой» головушкой. – Их так много! У звёзд что, праздник?

– Да, мой золотой... – тихо, как в храме, проговорила Зоя.

– А какой?

– Тот, что ты к ним приехал в гости.

– Как здорово! – подпрыгнул Славик. – Спасибо! Я люблю вас, звёзды!!! Все-все-все!

– Как быстро похолодало... – вздохнула Зоя.

– Через пару дней октябрь, – уточнил я и вдруг театрально воздел над собой руки, словно собирался что-то или кого-то ухватить. – Вот это да! Такая звездица сейчас сорвалась! Смотрите!!! И ещё!..

– Не звезда, а метеорит... – хмыкнул Славик.

– Верно, парень. А ты знаешь, что если успеть загадать желание, пока он ещё не сторит, то оно сбудется?

– Что-то слышал... – покачал он ногой, похожей на тростинку. – Так нам Наталья Васильевна говорила, воспитательница...

– Она у Славика самая авторитетная и любимая! – несколько ревниво уточнила Зоя. – Когда у Натальи Васильевны отпуск, так она ему весь этот месяц снится...

Зоя пригнулась ко мне:

– Я видела, как он иногда целует её на их общей детсадовской фотографии...

– Я все слышу! Она хорошая!!! Да-а-а!!! – пронзительно объявил Славик и вдруг запрыгал на месте. – Успел! Успел! Успел желание загадать!

– Какое? – обняла его Зоя, словно прикрывая собой от холода: утончённая щуплость внука делала его беззащитным перед донской сыростью.

– Хочу сразу стать взрослым!

– Молодец... – усмехнулся я. – Но лучше все-таки не торопись. Ведь по неофициальной статистике человек в нашей стране живёт всего восемь лет. Семь до школы, и один год после пенсии. Ладно, идёте в дом! Иначе окоченеет. Наверное, туман на Дону поднимается...

– Что-нибудь поешь? – поцеловала Зоя Славика.

– Что-нибудь не хочу... – строго поправил он её. – И вообще я сейчас решил, что уже многого в своей жизни больше не хочу. Но особенно – не хочу учиться.

– Почему? Ты же умный мальчик? – Зоя с мимолётной укоризной взглянула на меня.

– Это конец детства... – вздохнул Славик и заплакал.

Я почувствовал себя чуть ли не «врагом народа». Воистину сказано в Библии: «Кто хранит уста свои и язык свой, тот хранит от бед душу свою». Я как всегда вспомнил это слишком поздно.

Славик успокоился так же быстро, как и начал «капать».

– У меня больше нет сил ни на что... – печально признался он. – И куда я только их израсходовал?

– Ты узнал на даче много нового! – поцеловала его Зоя. – А это очень трудная работа – постижение мира.

– Уже почувствовал на себе... – вздохнул он. – Столько умного на меня враз навалилось! Лопнуть можно. Я бы не вынес долго такой жизни. Узнавай и узнавай! Я узнал ёжика, собачку, звезды, а ещё двух женатых муравьёв – они всё время бегали вместе! Когда отдохну как следует, напишу обо всем этом стихи.

Славик устало упал перед стулом на колени и со вздохом положил голову на его красное бархатное сиденье, как на плаху.

– Иди на кушетку! – Зоя поцеловала его в затылок, тоже награждённый особенной, загадочно глубокой ложбинкой – проблемой всех парикмахеров Славика.

– Так это ещё надо идти, чтобы лечь... – обессилено промямлил он.

Зоя с вдохновенным торжеством отнесла его на постель. По её улыбке при этом было нетрудно понять, что с такой ношей она готова и планету без напряжения обойти.

«Кровавую» Луну мы благополучно проспали. Явно «перекушали» здешнего снотворного воздуха – напористая донская вода стремительно несётся по древнему донному песку возрастом эдак около трёхсот миллионов лет, рождая таинственно живительные первозданные ионы. Может быть даже те самые, которые дали начало всему живому на планете.

Я вновь ждал яростных слёз Славика, пропустившего самую яркую за тридцать лет Луну. Однако и на него целительная донская ночь подействовала положительно: он был с утра покладист и углублённо вдумчив, так что не по годам мудро рассудил насчёт упущенной встречи с суперлунием:

– А когда оно ещё будет?

– Через тринадцать лет, – многозначительно вздохнул я.

– Сейчас мне пять... – деловито задумался Славик. – Всего пять... Я ещё ребенок...

Он зажмурился и начал сосредоточенно, с мистической важностью считать вслух цифры. Умел, парень! Словно считал ступеньки лестницы, по которой шагал в будущее.

– Шестнадцать... семнадцать... восемнадцать! – топнул своей комариной ножкой Славик. – Ого!!! Вот здорово! Только вас жалко... Станете совсем старыми...

Он развёл руками:

– А мне как повезёт! И суперлуние, и совершеннолетие сразу! Вот сколько радостного. Наталья Васильевна (с особенным удовольствием, словно смакуя, проговорил Славик её имя-отчество) сказала, что я тогда уже смогу сам выбирать президента страны, водить машину и жениться. Вот только на ком? На бабушке теперь нельзя. Она – занята. Наталья Васильевна тоже замужем. А у мамы есть папа... Везде пролёт. Придётся поломать голову. Эх, я, несчастный мужик!..

Он огорчённо заскрежетал своими хилыми молочными зубками-временщиками.

– А почему они называются молочными?! – вдруг радостно озарило его. – А не кефирными? Или йогуртными?..

От трудного вопроса Славика нас спас приезд Паши на новом белоснежном Mercedese, словно завернувшим сюда прямо с автовыставки: Женевской или Нью-Йоркской, никак не менее того.

– Папочка, а в городе сейчас Луна есть? – наморщил носик Слава.

– Куда она денется...

– Вот проблема... Как же она может быть одновременно и там, и тут? У нее что, нет своего постоянного места? Так и перелетает вслед за нами?

– Ну, ты достал меня, пацан... – усмехнулся Паша. – Это пусть тебе бабушка объясняет! Она обожает твои заумные вопросы. А сейчас бегом в машину.

Паша нырнул в эксклюзивное нутро «мерса» с таким видом, словно нетерпеливо сбежал из нашей интеллигентской бессмысленной обыденности в особое привилегированное пространство измерения его величества Бизнеса.

– Как он тебе? – тихо сказала Зоя, когда породистый «мерс» великолепно взял дорогу, щедро продемонстрировав нам всю свою мощность и успешный драйв.

– С Юлькой не сравнивать. Она – атас девчонка. Но твой Славик тоже скучать не даёт.

– Я о зяте спросила.

– Это человек с лицом владельца Mercedesa последней модели, – усмехнулся я одной левой щекой – и это было похоже на нервный тик.

Я – позавидовал? Это вам явно показалось, господа. Просто я впервые увидел вблизи того человека, которому чётко известна наша новая секретная национальная идея: вместо быдловской веры в светлое будущее всего человечества, которое за окном, он успешно и креативно исповедует священный принцип: «ничего личного, только бизнес».

... Так рано умирать

Утром вторника, когда я читал нашим глубоко озабоченным народными бедами депутатам мейнстримную лекцию об экзистенциальных истоках казнокрадства среди воронежских воевод XVII века, мобильник принял эсэмэску Зои: Паша убит – неизвестные застрелили его возле офиса.

Тамошняя камера слежения с объективом, забрызганным снежинками голубиных экскрементов, худо-бедно запечатлела всю эту уголовную суету высокооплачиваемых «мокрушников» с пальбой из автоматов и садистским контрольным выстрелом в голову. И теперь чуть ли не каждый час телевизионщики старательно прикармливали этой сценой свою скучающую телеаудиторию, словно совершали мистическое жертвоприношение во имя всемогущего Рейтинга.

... В гробу я не узнал Пашу. Черты его молодого, сыто-счастливого и, простите, наглого лица стали неузнаваемо суровы и исполнены достоинства разве что римского императора, того же, скажем, Тиберия, Клавдия или Нерона, если судить по их скульптурным портретам. Не исключено, что он был кем-то из них в своей прошлой жизни. Но за некие грехи вновь оказался приговорён к 35-летнему заключению на Земле и воплощён в облике владельца выставочного Mercedesa. Только вместо царственного золотого венца на лбу покойного лежал бумажный православный венчик. И какая-то дама оставила на нем шокирующий публику след дерзко алой мерцающей губной помады. Возможно, его любовница, иметь которую Паше в обоих смыслах этого слова полагалось по факту присутствия в рейтинге провинциальных миллиардеров. Зоя и Тоня косметикой не пользовались.

Вот такой вот cancel, Паша, говоря компьютерным языком...

Я сложно отношусь к людям, нарушающим закон. Хотя не исключаю, что когда-нибудь на новом витке нашего социально-экономического развития подделка сертификатов будет торжественно легализована во имя дальнейшего процветания частного сектора. Как это произошло не так давно после аннигиляции СССР с весёлой, озорной профессией спекулянта-фарцовщика.

На похоронах Славик так и не дал подвести себя попрощаться к гробу отца. Зоя решила поднести внука на руках, но он заверещал круче Витаса, так что его пришлось спрятать в машине. Там он тотчас затих, воткнувшись головой под своего большого плюшевого зайца Степашку. Славик каждый день мерялся с ним ростом, но все никак не мог догнать его 140 сантиметров. Слава без Степашки не ел, не спал и даже не смотрел мультфильмы. Поэтому купание внука Зои всегда проходило под аккомпанемент его сердитого, гневного рёва – ведь во время этой процедуры Степашка там однозначно отсутствовал во избежание намокания.

Я шёл бросить свою горсть земли на крышку мерседесоподобного сияющего саркофага Паши, когда случайно увидел, что в Зоиной КЮ на заднем сиденье торчат из-под плюшевой машины Степашки две тонкие бледные ножки Славика. Как мартовские картофельные ростки в сыром подвале.

– Ты уже простился с папой? – траурно вздохнул я.

Раздалось кашляющее, придушенное хрипение. Славик судорожно засучил ножками, как прижатый ногтем паучёк-сенокосец.

– Идём-идём, малыш, – построжел я.

– Страшно...

– Вот ещё... С какой стати?

– А вдруг папа меня с собой заберёт?.. Я не хочу так рано умирать! У меня даже детство ещё не закончилось... – съёжился Славик и хлюпнул носом.

– Простудился? – посочувствовал я.

– Ничего страшного. У меня насморк одной ноздри. Это пройдёт в два раза быстрее.

Бессознательный поток сознания

Поминки прошли в два захода. Пятикомнатная квартира покойного позволяла всем сесть вместе одновременно, но Зоя и Тоня так уж решили – вначале Пашины друзья, партнёры по бизнесу, чиновники, журналисты, среди которых вполне мог быть и заказчик убийства, а потом – свои, только родные.

Все это время я на кухне мыл посуду. Между делом насчитал, что мне за мою жизнь почему-то на поминках приходилось бывать чаще, чем на днях рождения. Этим я ничего не хочу сказать. Что было, то было. Случалось, и на такой тризне оказаться, где после печальных речей в честь покойного как-то сами собой начинались танцы и песни – про «синий, синий иней» или разных там удалых хасбулатов.

Наши поминки завершились явлением следователя. Пока он исполнял свои шерлок-холмовские обязанности в связи с гибелью Паши, Зоя села возле меня, зажав ладошки между коленей.

– Набегалась? – тихо сказал я.

– Все нормально... – машинально качнулась она вперёд и назад. – У меня к тебе просьба, милый. Ты не будешь против, если Славик пару дней поживёт с нами?

– Какие проблемы?

Зоя как-то так особенно внимательно поглядела на меня, словно не понимая, как могу я так легкомысленно рассуждать.

– Ты ещё не знаешь Славика...

– По-моему, мы достаточно успели с ним пообщаться. Нормальный пацан для его пяти лет.

– Это пока он только приглядывается к тебе.

– Да ладно! Пусть. На здоровье... – усмехнулся я.

Dictum factum.

Дома я на всякий случай снял со стены шкуру медведя.

Ужинать никто не стал. Я хотел включить Славика мультфильмы, но Зоя взяла это на себя.

– У него есть свои любимые. На другие – аллергия. До истерики.

Зоя принялась бдительно искать во вселенной кабельного телевидения «истинной» мульт Славика. Он, забравшись в пещеру моего огромного, глянцево-чёрного кожаного кресла, напряжённо, весь вытянувшись тонкой былинкой, на пределе внимания кураторски-строго наблюдал этот процесс. Словно решал ни мало, ни много вопрос жизни и смерти.

– Ну его!!! Не то!!! Не хочу!!! Это я видел тысячу раз!!! Надоело!!! – брезгливо комментировал он сменявшиеся на экране кадры. И даже применял такие убойные фразы: – Это вовсе ненаучно!!!

В зависимости от объявившегося мультлика, по его лицу пробегала целая гамма противоречивых чувств: от глухой скуки, уныния и раздражения до яростного восторга. Нельзя было не заметить, что он каким-то внутренним чутьём стремительно идущего нам на смену поколения раздражённо отвергал мульттики нашей советской поры типа «Аленького цветочка» (кстати, нежно любимого Зоенькой). Монстров и чудовищ Славик восторженно обожал, но все-таки на первом месте у него были чудаковатый Лунтик и надоедливо дотошные Фиксики.

При виде их суетливой писклявой бригады, озабоченной очередным ремонтом какой-нибудь электрической зубной щётки, Зоин внук благоговейно цепенел. Как в нирвану впадал.

А когда Фиксики начинали петь своими мышинными голосочками, Славик с криком на все пампасы «Супер-пупер!!!» тотчас зачарованно присоединился к ним:

– А кто такие Фиксики – большой, большой секрет!!!

Он пел, ритмично раскачиваясь из стороны в сторону и при этом дирижируя азартными взмахами рук. Со стороны казалось, что он вдохновенно медитирует.

– Славик, творожок будешь?! – с надеждой приступила к нему Зоенька.

– Нет!!!

– Это твой любимый! С грушей.

– Не-е-е-е-т!!! За-ма-ха-ли!!!

Однако полнейшей неожиданностью для меня стала загадочная особенность Славика не умолкать с утра до ночи. Он типа казахского акына, поющего обо всем том, что видят вокруг его глаза, непрерывно говорил как с живой с окружающей действительностью. Перед таким «трёпом», созидающем бесконечные словесные гирлянды, бледнел даже поток сознания романов Джеймса Джойса или Вирджинии Вулф. В течение дня Славик вслух общался сам с собой, с игрушками, тапками, комнатными цветами, твякающей за стеной соседской собакой, облаком в небе и так до бесконечности. Одним словом, он вдохновенно контактировал со всем живым и неживым, что его окружало, включая человечество, которое за окном. Хорошо, что внук Зои пока ещё ничего толком не знал про потусторонний мир, иначе бы тогда, как говорится, «хоть мёртвых выноси».

Итак, вот вам живая сцена. Я упёрто наигрываю в две руки на клавиатуре компьютера партитуру очередной лекции, Зоя у плиты творит манную кашу, а Славик небрежно фланирует по комнатам, задрав подбородок размером с напёрсток, и безостановочно плетёт какую-то замысловатую нить из глубин своего пятилетнего подсознания: «Я боюсь привидений... Я состою из мяса... Когда вырасту, стану коровой... Хочу давать много-много молока... Опять Луна в небе... Ей некуда деться?!.. Что за царапина на моей руке? Комарик ночью ножкой зацепил?.. Почему ночи тёплые? Ведь Солнца в это время нет?.. Заряжу пистолет добрыми мыслями и буду во всех стрелять ими! Чтобы люди только о хорошем думали, чтобы им лучше спалось... Эх, так сложно быть королём – все время надо сидеть на троне, приёмы, обеды... Я бы не вынес такой жизни»...

– Кажется, он у тебя уже вполне освоился, – нежно и с явным удовольствием вздохнула Зоя. Чуть ли не как партактивистка Катя при виде Юленьки, заботливо кормящей из моей тарелки своего грязнувшего трёхпалого медвежонка. Кстати, всякое отклонение Славика от сверхвозбуждённости в сторону покоя мгновенно вызывало у Зои нервное опасение, что ребёнок заболел. В самом деле, стоило ему затихнуть, как она бросалась целовать его лобик: нет ли температуры?

Затихнуть? Да откуда я такое взял? Нет, это понятие явно не про Славика. Оно, черт подери, не имеет никакого отношения к нему. Если у этого представителя человечества по какой-то мистической причине отключался поток сознания, он тогда полуборморочно лежал, завернувшись с головой в одеяло, и попеременно то скулил, то рычал или скрипел зубами.

Время смотреть сны

У моего детства было много преимуществ перед тем, какое выпало на долю Славика. Моё – пацанское, уличное. Его – сугубо квартирное и детсадовское. Я в пять лет играл в «пристеночку», «царя горы», запускал змеев на лугу и держал голубей – три самых настоящих белых турмана полгода ворковали под кроватью в моей комнате, пока я однажды не бросил их в небо, где моих птиц тотчас перехватила чужая раскидистая пёстрая стая.

Слава дома мучительно перемогался. Зато в детском саду был самым рьяным исполнителем тамошнего распорядка дня.

Последнее время Зоя особенно старательно оберегала меня от «потока сознания» Славика и его мультипликаторского фанатизма: нашим думцам предстояли очередные выборы –

это хуже пожара. Партийные списки изучались как некогда сводки с фронта, кандидатуры рассматривались только что не на детекторе лжи, а слоганы к листовкам вычитывались с тщательностью, которой не предъявляли к своим произведениям даже классики нашей литературы.

Достали и меня; я плотно засел за лекцию о нравах и взглядах первых российских депутатов Екатерины Великой. Пока мысли шли хорошо, плотно. Эдакие резвые, бодрые. Одним словом, *saге diem*.

Я работал, тщательно заткнув уши бумажными салфетками. Обязательно, чтобы они были слегка влажными! Тогда вёрткий визг Славика едва доставал до кончиков моих обнажённых нервов.

«...Меж депутатами тотчас началась в словах и действиях такая срамота, что маршал Бибииков, едва перекричав разгорячившихся стервецов, зачитал особое распоряжение: «Господ депутатов отныне рассаживать на таком расстоянии, чтобы они один не мог до другого доплюнуть или в лицо кулаком сунуть!» Слава Богу, просторность зала заседания Комиссии исполнить такую меру вполне позволяла».

Вдруг Зоя наклонилась и что-то прокричала мне. Я на всякий случай улыбнулся и погладил её по руке. Нежность для неё всегда была во мне.

И тогда Зоя сказала ещё громче:

– Тоня уехала в Москву!

Я почти понял её.

– Надолго? – отозвался, глядя в потолок.

– Даже не знаю...

– Так что из этого? – сдержанно вздохнул я. – Ей чем-то помочь надо?

– Только тем, что потерпеть Славика до её возвращения...

Я не сразу заценил эту фразу. Возможно, все-таки помешали бумажные кляпы. Я вытаскивал их с таким видом, с каким человек в эпицентре ядерного взрыва вынужденно снимает с себя противорадиационный свинцовый костюм.

Славик сердито вцепился в Зою и укусил её за руку.

– Я по маме скучаю!!! Сговорились! Вы ненавидите меня!!! И Степашка меня ненавидит! – заверещал он и внезапно исчез. Как переместился в иное измерение. Словно продемонстрировал нам эффект «нуль-транспортировки» по методике братьев Стругацких.

– Нет, ты такое не сможешь долго вытерпеть... – тихо сказала Зоя.

– А у меня есть варианты?.. – вздохнул я.

Славика мы нашли не сразу. Не так велика моя квартира, вернее, она вовсе даже мала, будучи типичной «хрущёвкой» образца гагаринского 1961 года, однако у внука Зои была природная способность уникально загатаиться. Этому ещё способствовала его худоба: став к вам боком, он практически исчезал «с радаров».

На этот раз «убежищем Монрепо» ему послужил мой огромный платяной шкаф – раритет сталинской эпохи, который в те годы ошибочно, но так изысканно красиво, импортно называли поэтическим французским словом «шифоньер». Производное от *chiffon*, то бишь тряпка, лоскут. Ещё с тех пор в нем стойко сохранился едкий, ядовито-бледный запах убийцы моли, красных кровяных телец и обоняния на уровне профессионального дегустатора – ароматического углеводорода нафталин.

Славик стоял в этом мертвенном аромате с болезненно сморщенным от напряжения личиком и держал перед собой яростно сжатые кулачки. То есть он приготовился мужественно вступить в сражение с Бабайкой, привидениями и даже с Великой Ужасной Темнотой, в которой он своим особым детским зрением явственно видел живущие в ней своей страшной жизнью разные разности, словно с хохотом сгустившиеся из мрака.

– Выходи, Леопольд, подлый трус... – виновато усмехнулся я.

– Осторожней... Слава уже хочет спать... Я по морщинке на лбу вижу... – тихо, трепетно проговорила Зоя. – Только он всегда этому желанию дико сопротивляется. Он почему-то боится засыпания. Путает его с умиранием...

Славик заплакал так взвинчено, что мне стало не по себе. Словно шифоньер оказался на самом деле самой настоящей «Комнатой ужасов», собравшей в одну кучу все его страхи.

Кто-нибудь из вас знает, что это такое уложить спать пятилетнего ребёнка? Оказывается, таких много? Но вы никогда не проделывали эту процедуру с нашим Славиком. Поэтому все ваши якобы знания могут быть сходу мной решительно подвергнуты сомнению или вовсе отброшены за их опрометчивую наивность. Вы, ясное дело, ни с чем более сложным, чем чтение ребёнку на ночь сказки, не сталкивались. Вы вообще, простите, полный профан в этом глобальном вопросе.

Собираясь спать, взрослый человек производит немало разнообразного шума, включая глухие покашливания, хриплые вздохи и хлёсткие щелчки нездоровых коленных суставов, похожие на пистолетные выстрелы. Но всему этому более чем далеко до того апокалипсического шума, которым взрывается Славик, получив самый ненавистный ему приказ – «Спать!»

Я каждый раз мысленно извиняюсь перед соседями, когда начинается его очередное судорожное продвижение в сон. Биоэнергетика Славика явно зашкаливает и становится неуправляемой, как плазма при термоядерном синтезе на нынешнем слабосильном уровне развития науки.

– Славик, пора сны смотреть. Иди руки мыть... – осторожно проговорила Зоя.

– Не надо мне, – ответ резв, неотразим, как хук от плеча.

– Почему?

– Я их потом сто раз заражу микробами, пока дойду из ванны до дивана. Они так и кишат вокруг меня. А когда я засну, всей толпой полезут в рот уничтожать мои зубы кариесом!

Зоя старательно вытерла влажной салфеткой мини-руки и мини-ноги внука, с явным очарованием любуясь этими хилыми детскими телесными прибабасами.

– Спи, мой золотой.

– Не хочу! Мне ужасы будут сниться!

– А я тебе добрую-предобрую сказку расскажу.

– Про петушка, котика-братика и лису?

– Как ты догадался?

– Не хочу! Неправда! Котик и петушок не могут быть братиками... – поморщился

Слава. – Я лучше королём побуду перед сном!

Вскочив, он с пафосом обвил себя розовой простышкой на древнеримский манер. Устав властвовать, Славик с помощью той же простышки превратил себя в летящую птицу. А накинув её на голову, объявил себя «девушкой!» При этом он блистательно, словно перед публикой на подиуме, неотразимо продемонстрировал нам свой правый, а потом левый профиль и топнул своей комариной ножкой:

– Хочу замуж!

Поскользнулся и полетел на пол. Многоступенчато: кувырок, кульбит передний, задний и боковой – все эти и иные акробатические манеры никак не способны передать витиеватую сложность траектории его падения. Она напрочь опрокидывала закон всемирного тяготения Исаака Ньютона.

В любом случае удара о паркет не было. Если Славик своим замысловатым полётом отменил действие только одного постулата природы, то Зоя у меня на глазах реально повергла ниц всю их совокупную множественность.

Она совершила вместе с внуком почти весь его невероятный полет, как бы страхуя мальчишку, а потом, резко ускорившись, уверенно приземлилась с опережением и приняла Славика

на свои руки. Кстати, ненамного менее тонкие, чем у внука. И он лёг на них, словно пёрышко на подставленные лодочкой ладони.

– Славик у нас будет лётчиком! Или как дедушка Гагарин – космонавтом! – Уже несколько устало проговорила Зоя.

– Нет!!! Не желаю! – зарычал он, хрустко скрипнув своими яркими молочными зубками. – Это опасные профессии. А жизнь и без того коротка!

Зоя тревожно посмотрела на меня.

– Серёженька, это не мои слова. Я такого никогда ему не говорила.

– Понятно. Ты у меня мудрая. Явно в садике это ему надули в уши. Они там друг друга черт знает чему учат! – поспешил я успокоить её. – Вон уже о перемене пола задумался.

Славик запросто понял меня.

– Это я просто-так сказал! Расфантазировался.

В общем, прежде чем заснуть, Славик нашёл ещё немало причин, чтобы обойти стороной постель. То она холодная, то горячая или в ней паук сидит! Бывает, вдруг хитро, догадливо пискнет: «Есть хочу»... Ведь он прекрасно знает, что у бабушки против такого его оружия нет никакой защиты. Оно действует на неё неотразимо. Да и как может быть иначе, если вдруг сам просит еды тощий ребёнок, которого обычно никакими уговорами, угрозами и кулинарными изощрениями не заставишь это сделать. Как я успел убедиться, кормление Славика ничуть не проще усилий по его запикиванию в пространство сновидений. Ибо на еду он смотрит (по выражению наших отцов) «как Ленин на буржуазию». Скажем, желая порадовать бабушку Славик с утра спросонья радостно делает ей заявку насчёт манной каши с малиновым вареньем, а как она, глянцево блистая, появится перед ним во всей своей красе с пылу с жару, так вдруг его что-то начинает корчить и морщить.

Наконец, так-таки загнанный на диван под одеяло, он вроде как закрыл глаза. Минута, другая... И вдруг некая ещё не израсходованная неистовая сила подкидывает его вверх. Он взлетает как на воздушной подушке, очевидно нарушая все, что надули нам в уши про законы природы три самых известных члена Лондонского Королевского общества по развитию знаний о природе – Ньютон вкупе с Эйнштейном, включая нынешнего Хиггса с его недавно открытым на Большом адронном коллайдере бозоном, прозванным ни мало, ни много частицей Бога.

В общем, Славик с хохотом булгаковского кота Бегемота завис над постелью. Его поза напоминала отрешённо левитирующего мага с перекрещёнными на груди руками. Название этого мистического эффекта, кстати, произошло от латинского levitas – лёгкость. Чем-чем, а уж этим качеством наш худышка Славик обделён не был. Человек, который легче пёрышка...

И тут меня озарило: я вдруг романтично почувствовал себя словно вернувшимся на миг в далёкие мои солдатские годы и воплотившимся в образ дневального по казарме.

– Ро-о-от-а-а !!! – рявкнул я на всю нашу «хрущёвку». – От-бо-о-о-ой!!!

Славик завизжал от радости.

– А можно ещё раз?..

– Отбой!!! – грянул я.

Славик радостно улыбнулся, упал на постель и мигом затих. Отключился как его любимый робот-болтун Фунтик при истощении батареек. Забегая наперёд, скажу без ложной скромности, что уже на следующую ночь моё педагогическое ноу-хау не сработало.

Но сейчас мы с Зоей были просто счастливы. Честное слово. Она так даже перекрестилась.

– Неужели заснул?..

Мы оба недоверчиво нагнулись над Славиком со всей возможной на то аккуратностью.

Глаза закрыты, дыхание ровное.

– Он часто так борется со сном? – взволнованно проговорил я.

– Если в садике поспит, то и дольше, – судорожно усмехнулась Зоя и вдруг закрыла лицо руками. Так обычно делают, чтобы скрыть слёзы.

Я обнял её.

– Продержимся, милая.

Она отозвалась не сразу:

– Не обольщайся, Серёжечка...

– Мы найдём достойный выход. Ты же у меня Умная!..

– Не люблю простецкие шутки... – вздохнула Зоя. – Да, Умная. Приходится оправдывать фамилию. Не больше того.

Писающий мальчик

Итак, я рядом со Славиком словно стал жить в ином, параллельном мире. Хотя это мягко сказано. В перпендикулярном, господа!

Мой прошлый ветхий родительский опыт оказался сегодня практически бессилён. Прежде всего за истечением срока годности. По моей квартире отныне шастал представитель нового поколения, в котором я, честно говоря, разбирался гораздо хуже, чем даже в компьютерах и прочих модных гаджетах. Вернее, вовсе не разбирался. Конечно, можно было бы все проблемы свалить на Зою Витальевну, но я, увы, несмотря на торжественное шествие по планете новой религии однополых браков и пересадки гениталий, продолжал нагло оставаться конкретным мужиком со всеми вытекающими из этого последствиями.

Когда-то мы, уличные пацаны, оставляли за порогом дома всю свою неуёмную энергию в забавах, даже одни названия которых нынешней младости вовсе неизвестны: «Царь горы», «Городки», «Штандер», «Жожка», «Пристеночка», «Бе-бе», «Салочки» и так далее до бесконечности. Само собой, включая мою самую клёвую «Кавалерию», в которой мне одинаково нравилось быть и конём, и всадником. После таких игр мы дома уже не кочевряжились с едой, потому что напроочь не хотели есть... Мы хотели жрать! Хоть что!!! А засыпали, не успев раздеться... Даже не помня про разбитый нос или губу.

Относительно «Кавалерии» я сейчас не могу сдержаться, чтобы не восстановить отдельным файлом добрую память об этой сугубо мальчишеской ни с чем несравнимой игре. Девчонки в ней могли быть только зрителями, но чаще всего играющие старались и вовсе обходиться без их присутствия – никому не нравилось, что они могут увидеть твоё поражение. Игра эта всесезонная, но как-то так всегда складывалось, что мы увлекались ей чаще всего летом. Обычно для «Кавалерии» нужны практически все мальчишки двора, но никак не меньше 8-10 человек, а также просторная травянистая лужайка, желательна поросшая «спорышом», – он стелется по поверхности, почти прилипая к земле. Начинаем игру с того, что мы, яростно споря, делимся на «красных» и «белых», но ещё сложнее нам было определиться, кто станет «конём», а кто – «кавалеристом». Ведь каждому так хочется быть наверху положения... Наконец, все определено: «кони» азартно срываются с места, а высоко сидящие на их плечах кавалеристы во всю гикают и свистят. «Смешались в кучу кони, люди»... Кавалеристы схватываются руками друг с другом, пытаясь один другого стащить с коня. Кулаки пускать в ход нельзя, кусаться и плевать запрещено. А в это время кони не просто топчутся, пошатываясь под сражающимися наездниками, а тоже худо-бедно принимают участие в битве – таранят противника корпусом, брыкаются «копытами» и ставят друг другу ловкие подножки... Над поляной визг, вопли, кровь и сопли.

Было ясно одно: моя привычная жизнь с её устоявшимся ритмом и распорядком отныне канула в небытие, как некогда великая Атлантида «за одни ужасные сутки».

Нам с Зоей не только пришлось отменить толком так и не начавшийся медовый месяц, но вместо этого ещё и стать продвинутыми знатоками мультиков и овладеть эзотерическими тайнами кормления, купания и усыпления отныне живущего рядом с нами маленького сверхсуетливого человечка, враз установившего в нашей молодой семье мондиалистскую систему

своего доминирования. Даже, поверьте, с более крутой иерархией, чем та, которую навязали Западной Европе американцы, восторженно влюблённые в свою особую исключительность.

Любой наш с Зоей взаимный интерес приводил хudosочный комочек Славика в состояние истерического страдания и воинственной ревности, иногда завершавшейся самыми настоящими судорогами, конвульсиями или даже обмороком.

Тем не менее, я долго не решался спросить мою Зою Витальевну, когда боги наконец проявят к нам милость и Тоня вернётся. Но очень хотелось. Очень, поверьте. Я был готов поставить свечку, и не одну, за скорейшее прибытие в наш славный Воронеж мамы Славика.

Какое-то время я был уверен, что мне удаётся скрывать от Зои свой этот нынешний внутренний раздрай, и я достаточно убедительно выгляжу в её глазах практически счастливым человеком. Или почти счастливым. Я старался не замечать, что мои лекции в вузе стали короче и скучней, что на экзаменах я стал со студентами как-никогда придиричив и раздражителен. В Думе все мои познавательные-исторические лекции отныне вызывали у депутатов разве что оскомину, которая никак не способствовала их деятельной заботе о народном счастье: я как оседлал темы мздоимства воевод, казнокрадства в «приказной избе», поддельного дворянства и тайной продажи туркам русских девок и мужичков. Иными словами, обращался с почившей в бозе старушкой-историей как выдавший виды патологоанатом, озабоченный лишь поверхностным установлением причин смерти.

В итоге мой давно забытый армейский гастрит начал свежо напоминать о себе. В свою очередь, на лице Зои я стал моментами замечать то взволнованное напряжение, какое вызывает у человека внезапная сердечная боль.

Однажды мы среди дня столкнулись с Зоей в поликлинике, куда пришли негласно друг от друга. Я – мужественно глотать желудочный зонд, она – сделать наконец кардиограмму.

Сосредоточенно отсидели её очередь, потом мою.

Вдруг Зоя бдительно посмотрела на часы:

– Славик уже обедает!

– Как же его там умудряются кормить?.. – дерзко хмыкнул я, представив как заведующая, воспитатели, шеф-повар и даже охранник, бывший афганец, истинный вояка, – все с тарелками, мисками и любимым Славкиным стаканом с сосательной трубочкой (обязательно бледно-розового цвета!) взволнованной стайкой трепетно порхают вокруг презрительно усмевающегося Зоиною внука.

Зоя Витальевна строго, почти гордо посмотрела на меня:

– В садике он ведёт себя идеально. Там все не нарадуются на него. Самый послушный и старательный мальчик.

Я мудро вздохнул.

Через минуту Зоя вдруг снова проговорила, точно навигатор в автомобиле:

– Славик пошёл спать.

– «Мёртвый час»? – поморщился я. – Представляю, какое Ледовое побоище он там сейчас устроит.

– Повторяю, воспитатели ставят его всем в пример. А час покоя называется «Тихим». И не пугай меня больше таким своим жутким старорежимным «мёртвым часом»!

Я недоуменно пожал плечами.

– Вы оба, господа, ошибаетесь! Мне сын чётко объяснил: сейчас принято говорить – «Час-сон»! – с современными деловыми интонациями поправила нас обоих молодая соседка, спортивно развернувшись в нашу сторону. Это явно была некая бизнес-леди, судя по её приверженности к точности формулировок. При этом у «леди» было такое сосредоточенное выражение лица, что нельзя было не понять: и она отсюда кроме всех прочих своих активированных миллионных сделок ещё и «ведёт» на расстоянии каждый детсадовский шаг своего сына. Почти как спутник, который висит над Землёй в состоянии неослабного дозора за вверенным

ему секретным объектом. Разница заключалась в одном – Зое помогала добрая интуиция, а бизнес-леди – навороченный айфон или смартфон? Я в них однозначно не разбираюсь. Гаджет, как теперь принято говорить. Кстати, вслушайтесь в него. Таким словом, честно говоря, что-то хорошее не назовут.

«А не перейти ли мне на работу в детский сад к Славке?.. – дерзко подумал я, размышляя, как помочь Зое. – Скажем, буду читать им лекции о том, как в восемнадцатом веке в Воронеже дворянских детей, заботясь об образовании народа, водили в школу с солдатами?! Чтобы мальцы в лесу не попрятались от ненавистной и никчёмной им грамоты...»

– Серёженька, я давно вижу, как тебе нелегко с моим внуком... Прости... – шепнула Зоя и погладила меня по руке.

Я ответил ей тем же...

Неужели мои мысли так очевидны и читаются на лице, словно титры на телеэкране?

– Не беспокойся, Зоенька, – тихо ответил я. – Мои внутренние резервы не столь скудны. В армии я перед дембелем за полгода начал протыкать в календарике иголкой каждое минувшее число. В ожидании Тони я этого пока ещё не делаю.

Я демонстративно изобразил благородную расслабленность. Будто я безмятежно подрёмываю. И тотчас поплатился за это неожиданным видением на грани полубреда-полусна: словно сквозь дымку я отчётливо увидел напротив себя... писающего мальчика. Но вовсе не того скульптурного облика, что стоит на площадях ради политкорректности в Брюсселе или том же Каунасе. Этот был как живой. И струйно писал в мою сторону. Блаженно зажмурясь. Его закорючка не по-детски напористо работала. Он стоял, гордо отклячив кулачок голой задницы и дерзко уперев руки в боки, что-то мечтательно выглядывая на потолке. Это был Славик. Или очень похожий на него мальчик. В этом возрасте они почти все на одно лицо.

Зоя бережно прикоснулась лбом к моему плечу:

– Я сегодня утром звонила Тоне... Она приедет не скоро... Если приедет вообще. У неё нет сил жить здесь после гибели Паши...

Мы какое-то время сидели молча. Словно с надеждой ждали озарения свыше. Я бы предпочёл вообще не слышать сказанных сейчас Зоей слов. Даже если для этого потребовалось бы заглушить их грохотом готовящегося ко сну Славика.

– Я все понимаю, Серёжечка... Ещё неделя и мой внук, не дай Бог, доведёт тебя до инсульта. Если не раньше... – печально продиагностировала меня Зоя. – Но чем помочь тебе? Давай мы со Славиком переберёмся ко мне?..

– Бесплезный вариант. Я же люблю тебя... Вот этим пока и спасаюсь. Аки серна от тенет, и яко птица от сети.

– Про благие намерения тебе напомнить?.. – бережно улыбнулась Зоя.

– Озвучиваю правильный перевод этой поговорки: «Ад вымощен добрыми намерениями!» Сия мудрость четырёхсотлетней давности принадлежит поэту-метафизику Джорджу Герберту. И подчёркиваю: в ней сказано, что вымощен ад! А про дорожное покрытие в это далеко не самое лучшее место во Вселенной гораздо позже придумал некий путаник.

– Так что ты этим хочешь сказать?

– Ничего особенного. Просто по-большому счёту на нашем пути, как говорится, «мин нет». Поэтому смело дай мне свою руку. Нас ждёт дорога. Но она далеко не в ад. В общем, прорвёмся. Мы просто обязаны это сделать.

– Во имя человечества, которое за окном?

– Что-то вроде того...

Я вдруг заплакал...

Ничто, наверное, не приходит так внезапно и не производит такой переполох в семье, как детская болезнь. Более того, иногда даже кажется, что мамы и бабушки ей по-особенному

рады. Ведь это для них как ещё одна очевидная возможность достигнуть высшего внутреннего уровня чадообожания и бескрайней всезаботливости.

Поэтому не раз бывало: среди ночи Слава вдруг кашлянул – дитячья слюняшка не туда в горле юркнула, или слишком резко вздохнул. А Зоя тотчас уже стремительно подхватывается, набегу включает свет всюду, где только можно. Спросонья мне кажется, что он вспыхивает везде одновременно, словно это наглядный действующий макет рождения нашей Вселенной методом Большого взрыва.

И вот уже тростинка-Славик у неё на руках: гнётся туда-сюда, как испуганно забуксовавший паучок в чреве ванны в миг приближения роковой волны его Всемирного потопа.

– Что с тобой? Что?! Славушка! – Зоя встревожена не на шутку. – Ты заболел? Открой ротик!

Славик догадывается, что у него появился железный шанс не пойти в детский сад и весь день до осатанения смотреть вертлявых, надменно-гундосых любимых Фиксиков. Он пускает слезу и начинает вдохновенно кашлять, кашлять... Кашлять до задыха, надрывно. И вот его уже реально рвёт. Теперь он стопроцентно останется дома с «баушкой-баушкой-баушкой»...

Только в этот раз все выстроилось по-настоящему: с утра Славик был тих и бледен, не разбрасывал игрушки, не рисовал на обоях и не пел гимн Фиксиков, передвигая по дверце холодильника пёстрое стадо разноцветных магнитиков. Более того, он как-то боязливо посматривал на нас с Зоей своими точно бы вспотевшими, мутными глазёнками.

– Золотой мой, ты не заболел?.. – перехватила она такой его чуть ли не сюрреалистический взгляд. – Сейчас поставим градусник! Где градусник? Серёжа, ты не видел градусник?

Его маленькая стеклянная торпеда, лихорадочно проблёскивая густо-серебристым ртутным столбиком, загадочно проплыла в руке Зои сквозь утренний болезненный сумрак квартиры. Она словно точечно выискивала цель.

Славик зажмурился, наморщив нос. Это почему-то была самая противная для него тема – измерение температуры. И это было самое ненавистное для него слово – «градусник». Заполучив его подмышку, он уже через минуту начинал страдальчески верещать:

– Уже сто лет держу ваш гадкий термометр!!! – сверхболезненным голосом принимался канючить Славик, словно ему занозу загнали в одно место.

Уже эти эгрегорные тайны детского мироощущения...

Измерение температуры – это всегда в некотором роде колоритная мизансцена с волнующим сюжетом и неожиданным финалом. Нередко мистическим. Во времена оные градация степени нагрева человеческого тела лежала в пределах понятий «горячо», «тепло», «холодно». Первым эту процедуру переместил в область научной точности итальянский титан эпохи Возрождения Галилео Галилей из Пизы («А она все же вертится!!!»), когда придумал, кроме всего прочего астрономического, поэтического, механического, философского, ещё и термоскоп. А вот термометр в его нынешнем виде вручил цивилизованным народам купеческий сын, немецкий физик Даниель Фаренгейт, а шкалу – швед Андрес Цельсий, опять-таки астроном и ко всему ещё геолог, метеоролог.

Я сверхбережно принял из рук нешуточно взволнованной Зои скользкую изящную колбочку, созданную усилиями трёх гениев трёх веков, как будто в ней была запаяна не блестящая капля ртути, а ни мало, ни много тайна здоровой жизни Славки, как спрятанная в яйце смерть Кощея Бессмертного. Памятуя реакцию Зои на «мёртвый час» в детском саду, я тем более не стал озвучивать эту свою болезненно изошрённую ассоциацию.

Аккуратно подойдя к свету, я строго взгляделся в бледно мерцающую ртутную струйку. Она грозно упиралась в роковую сорокоградусную черту. Я недоверчиво повертел бдительный прибор. Показания были непоколебимы.

На этом мои функции завершились. Зоя решительно отодвинула меня в сторону.

Все дальнейшие действия она страстно взяла на себя. И ей удалось невозможное: практически одновременно вызвать «скорую», позвонить в Москву Тоне и дать Славику лекарство – некий сироп «Нурофен Плюс» в разнеможной рекламно-навязчивой яркой коробке.

В моем детстве меня капитально лечили каменным мерзко-белым норсульфазолом, сына я врачевал тошнотворным тетрациклином из мрачного темно-зелёного пузырька. А тут – сироп! Не лечение, а просто какой-то поход в кафешку. Может быть, в нынешних аптеках даже имеется лекарство от глистов с розовым клюквенным мороженым или гамбургер-толстячок а'ля «Макдональдс» как средство от поноса?

Славика и Зою без промедления забрали в больницу. Она собралась так скоро, словно все нужные для этого вещи, продукты и прочее всегда находились у неё как у кадрового офицера под рукой в некоем «тревожном» чемоданчике.

Вначале мой «француз» уверенно держался у «скорой» на хвосте, хитрованом пробиваясь через уличные пробки под прикрытием её тревожной сирены и не менее тревожной красно-синей мигалки: снопами своего блестящего света она словно разгоняла перед собой призраки сытого равнодушия к чужой боли. Однако не зря говорится, что на чужом горбу в рай не въедешь. В конце концов на одном из перекрёстков, где сбились в стадо внедорожники дерзко-высокомерных водил с купленными правами, меня так-таки отсекали.

Я едва нашёл нужную мне больницу, скромно притулившуюся на склоне одного из семи холмов, на которых издревле стоит Воронеж. Казалось, её столкнули на обочину жизни поднявшиеся вокруг дородные особняки приснопамятной всем воронежцам «Долины нищих» с провинциально мещанским представлением её жителей о современной архитектуре. Помогло сориентироваться лишь то, что во младенчестве я тоже провёл в этой больнице отведённый мне судьбой срок. С подозрением на холецистит, оказавшийся в итоге обманым симптомом банальной ангины.

Так что ещё в приёмном отделении во рту у меня ностальгически появилось бледное послевкусие здешней бессмертной творожной запеканки с каштановой корочкой, которую я когда-то так любил уминать в палате с молоком матово-синего нищенского оттенка. Зато натуральным на все триста процентов.

С первого взгляда здесь практически ничто не изменилось. Разве что появилась новая вывеска в духе языковой стилистики сегодняшнего особо изошрённого бюрократизма – БУЗ ВО ОДКБ. Нашему поколению памяты имперские сокращения недавнего прошлого, жутковато леденящие кровь индивидуума в зависимости от меры его диссидентской фронды, – НКВД, МГБ, КГБ, МВД, КПСС, ВЛКСМ. Самым сильнодействующим было убойно краткое, похожее на шелчок револьверного курка, – ЧК! Нынешние аббревиатуры (от лат. brevis – краткий) похожи на некий эзотерический код. Их сегодня нет только на синих передвижных городских туалетах-пеналах. В общем, увидишь какую-нибудь буквогидру ФГ БОУВПО Ф или даже куцее ГОС ВО, а то ещё некое милейше-тупое ЕГРЮЛ – так тотчас трепетно понимаешь, в каком сложном, многомерном мире живёшь эдаким пришибленным девиантом. Вернее, проживаешь. С разрешения и под бдительным приглядом этих секретных АБВГДЭЮЯ.

Когда я приехал на место, Зою и Славика уже оформили и разместили.

Несмотря на аббревиатурную страшилку на входе, в больнице работали живые люди, а не обитатели некоей абстрактной планеты БУЗВООДКБ. Пока врач осматривал Славика, они оба весело общались, как завязтые приятели. А наперекор расхожим мифам о скудно-убогом больничном рационе, здесь вкусно пахло явно сочными «правильными» котлетами и матовым густым «пюре» с прозрачным лучком, отдававшим ароматом осенних маслят.

Расцеловавшись на прощание с Зоенькой, ободряюще потрепав голову строго стоявшего навтыяжку Славика, я со странным чувством вышел на улицу: я вдруг пронзительно почувствовал себя одиноким. Словно на раз оказался на далёком Плутоне, доставленный туда зна-

менитым аппаратом New Horizons, современным аналогом пушечного ядра, на котором путешествовал барон Мюнхгаузен.

Или меня занесло даже в самую преисподнюю?..

В дряблой городской темноте зигзагами поросил мелкий редкий снег раннего октябрьского предзимья. Вертикальные тени прохожих судорожно колебались в белёсой мути. Они тянулись вверху по краю холма, а казалось – медленно, утомлённо летели во вселенскую неизвестность, как люди на полотнах Шагала.

Неожиданно мир перевернулся, словно чтобы возвратить меня к его суровой реальности и истинным координатам событийности. Ноги судорожным взмахом оказались на месте головы, а она с нутряным арбузным треском шмякнулась оземь.

Боли, спасибо, не было. Было ошеломительное, почти радостное, даже праздничное ощущение идиотизма внепланового купания в студёной осенней грязи в австрийском светло-зелёном классическом тренче: двубортном, с погончиками и отложным воротником.

Достукался, добегался, досуетился, вляпался.

Нелепость произошедшего словно бы засвидетельствовала, что я, по всей видимости, сбился с предназначенного жизненного пути и забрёл невесть куда.

Словно спровоцированные ударом о землю, тяжеловесные глухогрохотные (по выражению Джеймса Джойса) мысли посыпались на меня, как некогда на человечество из ларца Пандоры все его лежавшие под спудом до поры до времени несчастья и беды. Только в мифе по воле Зевса на дне тайника все же осталась некая «надежда». Меня же, по всей видимости, и её лишили...

«Во что я вляпался по самое не балуй?.. – уныло думал я, лёжа навзничь на сочном чернозёме почти в удобной позе. – Зачем мне все эти сложности со Славиком?.. Я с боку припеку всему этому. Я хотел и хочу прожить с Зоенькой свои последние годы мирно и тихо. Мне покой нужен!!! Господа... Товарищи!!! Братцы!!! Народ! На помощь...»

Я вдруг заплакал. Вернее, начал умеренно слезоточить. А осознал это я, когда почувствовал, что мои напомаженные хладным чернозёмом щёки вдруг стали нежно теплеть.

«В этой жизни даже быть единожды счастливым – непомерная роскошь, а ты восхотел этого дважды? За чей счёт, господин вдовец? Держи карман шире...» – приосадила я себя как бы от имени некоего Всевидящего Ока.

Пощёчина педагогике

Где-то через неделю я привёз домой Зою и Славика. Часа два он угрюмо и меланхолично складывал нечто из деталей конструктора и тотчас разрушал, складывал и разрушал – с угрюмой, злой улыбкой американского кинозлодея. Он был явно не в своей тарелке – как видно давали знать о себе точечные узоры от укулов и разлука со страстно любимыми игрушками.

Может быть, он и по мне там скучал?..

Я промолчал на эту тему, чтобы меня не засмеяли.

Зоя сварила манную кашу с орехами и изюмом, но Славик есть не стал. Даже с ложечки. Даже когда Зоя стала перед ним на колени.

– Ты же голоден! Мой золотой!

– Пошла куда подальше ваша гадкая каша! – демонстративно задрожал Славик и по охватившему с недавних пор их детский сад поветрию повернулся к нам спиной и похлопал себя по своим ягодицам каждая размером с дольку абхазского апельсина. Именно абхазского.

Я давно не слышал звук крови, шумящей в голове. Это достаточно яростный, клокочущий звук.

Я как на автомате, не понимая, зачем и для чего, шагнул к Славiku, рывком приподнял за шиворот и смачно шлёпнул по игрушечному подобию заднего места. Всего один раз, господин высший судья!

Славик затрепетал и словно потерял сознание от злости, перехватившей ему горло.

Я попытался мысленно оправдать себя тем классическим примером, когда в далеко не поэтической «Педагогической поэме» Макаренко, великий мэтр воспитания не воспитуемых, вlepил отменную затрещину Задорову, доставшему его своей интеллигентной наглостью. И хотя эта пощёчина навсегда пресекла дерзость колонистов, сам Антон Семёнович с тяжёлым сердцем потом всегда видел в ней не только преступление, но и крушение его педагогической личности и созданной им системы.

Зоя с бледным, отсутствующим взглядом бережно отнесла враз притихшего Славика на диван. Как тяжелораненого. И сама рухнула рядом с ним. Кажется, она едва сдерживала слёзы. Точнее, самые настоящие рыдания.

Я ушёл в другую комнату, прижался лбом к холодному окну и сделал вид, что гляжу на улицу. Не видя, однако, ни зги. Там словно бы стояла настоящая «тьма египетская». На самом деле, фонари горели бодро и даже с ликованием: жёлтые пузыри этих солнышек романтично искрились в дискретных дождинках октябрьского сеянца. Мне же глаза застила тёмная завеса.

Постучала Зоя.

– Серёженька, Славик спит...

– Ясно, – сказал я голосом человека, виноватого во всех бедах человечества. Того, которое за окном...

– Мне так неловко перед тобой.

– Я сам хорош.

– Мы достали тебя. Прости... Разве такой жизни для себя ты хотел, когда мы первый раз ехали к тебе на дачу? Давай мы со Славиком поживём у меня до возвращения Тони...

– Я не желаю муссировать эту тему! – заговорил я почти круто, чуть ли не как самый настоящий мужик. – Знаешь, я все ещё не хочу с тобой расставаться, – почти дерзко заметил я, упёрто глядя во «тьму кромешную» за окном, а на самом деле – внутрь самого себя: – У меня такое ощущение, что тогда обрушатся все наши надежды...

– Кажется, все к этому идёт... Тоне предложили в Москве перспективную хорошую работу. Очень хорошую.

– Позволь мне догадаться на раз-два. Может, в Министерстве обороны?

– Горячо...

– Что же ты молчала? И каким образом на твою дочь такая манна небесная просыпалась?

– Пашины сослуживцы по Чечне поднапряглись. Кстати, эти люди уже вышли на след того, кто заказал моего зятя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.